
Юрий Петухов
Чёрный дом

Оглавление

Юрий Петухов	1
Чёрный дом.....	1
Предисловие.....	1
Чёрный Дом. 22 сентября – 5 октября 1993 г.....	2
Итоги Кровавого Октября	36
Послесловие	36

Предисловие

Теперь, по прошествии семи лет с той трагической поры высочайшего духовного взлёта и почти смертного, губительного падения в пропасть безысходности, особенно чётко видится всё подлинное, истинное, светлое и всё наносное, лживое и подлое. Время утишает боль и лечит душу. Время подтверждает истинность прозрений тогдашних. Так было, так есть и так будет. Это самое время, жестокое, но праведное, лишает терновых венцов героев и мучеников тех, кому их носить не подобает, и ныне, те, кто готов был отдать жизни за руцких и хасбулатовых (тысячи людей отдали свои жизни), теперь видят, что вожди их, по сути дела, играли в ту же игру и по тем же правилам, что и гайдары, ерины и грачёвы, с одной и другой стороны регулярно взывая за советами, помощью и инструкциями к американскому посольству.

Нас заставили всеми средствами массовой пропаганды сосредоточить своё внимание на ходах лидеров двух группировок, одна из которых засела в Кремле, другая в «белом доме», будто кроме них ничего и не было. А ведь было нечто большее, чем просто танки, циничный расстрел парламента, героическое сидение за белыми стенами... Да, помимо этого было **Народное Восстание**, которое нарушило планы не только правящего режима, но и противоположной стороны, восстание, не санкционированное ни Ельциным, ни Руцким, ни Хасбулатовым. Восстание, которого насмерть перепугались обе стороны — ведь когда девятый вал народного гнева разметал все правительственные преграды, смел их со своего пути, обратил в бегство сотни тысяч

милиционеров и солдат, белодомовские сидельцы (речь, разумеется, не о тех героях России, которые на самом деле пришли её защищать, а о принимавшей решения верхушке) впали в прострацию, их охватил паралич бездействия, более того, ужаса.

Им принесли на ладонях власть. Но они привыкли играть по правилам номенклатурной «элиты», и они испугались того, что властью их наделили не из-за океана, не из Кремля, не из штабов «мирового сообщества», что власть им вручил восставший Народ. Прострация и страх перед этим Народом привели к трагедии. Чудовищной трагедии! И всё же был один день, даже полдня подлинной свободы, пусть только в Москве, подлинного Народовластия! Честь и хвала депутатам, бесстрашно певшим за толстыми каменными стенами песню «Варяг», их мужество и стойкость заслуживают уважения. Но вне стен гибли простые, безвестные и поныне люди — подлинные герои народно-освободительного восстания, те, по горам трупов которых пришла потом к власти «придворная оппозиция», подхватившая лозунги погибших, но отнюдь не дела их...

Власть имущие и оппозиция сделали всё возможное, чтобы люди России и мира ничего не знали о Восстании, в архивах ТВ и спецслужб хранятся километры видеолент, запечатлевших этот непостижимый, ослепительный взрыв народной мощи, народного духа... Но нам показывают одни и те же кадры официальной версии октябрьских событий, нас заставляют жевать

одну и ту же жвачку, вглядываться в одни и те же лица, подсовывают фальшивки, путают следы, сбивают с толку, морочат нам головы велеречивой болтовнёй про провокации, хитроумные планы охраны, про коварные замыслы коммунистов (которые вообще отсиживались в стороне и не имели к Восстанию ни малейшего отношения). Я верю, что рано или поздно подлинная Правда, не «правда» ельциных, не

«правда» руцких, а Правда народная всплывет на поверхность. И мы поймём, что у России был шанс, верный шанс избежать позорной участи колонии, шанс вернуть себе статус великой свободной Державы. Мы упустили этот шанс, мы сами надели на себя кандалы... И всё же он, тот октябрьский далёкий день, тот миг свободы был — и его не вычеркнуть из Истории.

Автор

Чёрный Дом. 22 сентября – 5 октября 1993 г.

В этот день, озарённый небесным огнём, солнечный и ярый, не разум и не чувства бросили меня в гущу событий, не ноги привели на сверкающую тысячами белых щитов Калужскую (по старому наименованию — Октябрьскую) площадь, и не друзья-товарищи, а лишь Провидение Божие. Конечно, знал я и о времени, и о месте сбора всех, кто имел свои счёты к режиму, знал. Но ещё с вечера твёрдо решил — не пойду, нечего мне там делать — опять обманут, опять предадут, как предавали многожды. Чего скрывать, не минины и пожарские сидели в Доме Советов. Всё так, но других-то не было — не было настоящих, своих, русских там, а ежели и были — баркашовцы да приднестровцы — так не их голос решал дело.

Вечер накануне я провёл в расстроенных чувствах. И было от чего горевать — 2 октября 1993 года в серые и унылые небеса поднимались над Москвою столбы чёрного дыма. Центр Москвы походил на оккупированный многочисленным врагом город. Весь день ходил я кругами и не мог пробраться на Смоленскую, всё было перекрыто — каждый переулочек, каждый дворик был загорожен. И не как-нибудь стояли бравае ребята в касках, с дубинами и автоматами, а плечом к плечу, да в три-четыре ряда, да через каждые сто-двести метров новое кольцо — то ли владимирских пригнали, то ли курских — в самой Москве уже не хватало ни войск, ни милиции, ни омовоспеснацами, чтобы сдерживать народ.

А на баррикадах жгли костры. Тащили всё подряд и жгли. Унылая была картина. И было тихо, угнетающе тихо. Ещё два, три, пять дней назад на подступах к Дому Советов шли жестокие рукопашные бои — на один удар старческой клюкой сыпались в ответ тысячи зверских по силе ударов прикладами, дубинами, кулаками, ногами. Стражи порядка усиленно отрабатывали «спецпаёк», нипочем не жалели «красно-коричневых» старушек и ветеранов, что выходили защищать ещё ту, старую свою Победу, выходили

да и ложились костями на мостовую под ударами сынов да внуков.

Плохо проинструктированный ОМОН, со всеми спецназами кряду, заодно бил смертным боем и журналистскую, репортёрскую братию, дубасил, пинал, ломал и кровавил не токмо российского нашего брата-борзописца, но и иноземного его коллегу — только трещали и лопались головы да камеры, только хруст костей стоял. Тех, кто ещё мог бежать от стражей, загоняли в метро, добывая на эскалаторах. Упавших пинали для острастки, топтали, а потом забрасывали в машины и вывозили в неизвестном направлении — то ли в застенки пыточные, то ли сразу в землю, где-нибудь подале от Москвы, кто сейчас копать да искать станет? Никто!

Но это было.

А 2-го числа октября месяца избивали да убивали только там, у баррикад. За оцеплениями многотысячными царили тишь да благодать, лишь переминались усталые «ратники», недовольно поглядывали из-под касок на народишко, из-за которого их томили в цепях да вяло отбредивались от старушек-агитаторш, что пытались усостить «внучков». Старушки не жалели себя, до хрипоты твердили и про одну родину, и про то, что все русские... «Внучкам» было плевать на агитацию и на самих старух, им хотелось если уж не в дом родной на побывку, то хотя бы в казарму. У «внучков» все эти «москвичи проклятые», которые никак не хотели тихо работать себе да посапывать в две дырочки, вызывали раздражение.

Старушек было мало. А по Новому Арбату двигались туда-сюда огромные, равнодушно-жующие, пёстрые толпы с влажными и отсутствующими глазами. Всем было на все плевать, сто раз плевать — окружай всенародно избранных, мори их голодом, верши чего хошь, оцепляй чего не лень, бей и убивай кого следует — плевать и ещё раз плевать!

Эти сытые толпы с уже не русскими глаза-

ми навевали уныние ещё большее, чем бронированные цепи автоматчиков. Добивал контраст: старушки и ветераны у цепей, редкие парнишечки и женщины были как-то бедненько, простенько одеты, потёрты да исхудалы, с тенями и желваками на лицах, полуизмождённых, тревожных. А в толпах ходили всё сытые Да холёные, упитанные и отнюдь не бледные. Толпам было хорошо, и потому им ничего больше и не надо было. Ветеранам и старушкам хотелось чего-то большего. Никому ничего не надо!

Эти слова в последние годы стали нашей национальной поговоркой. Никому. Ничего. Не надо. День был загублен. Душа рвалась туда, к баррикадам, на которые с оцепенелой тупостью бросали то поливальные машины, то жёлтые бульдозеры, то рати омовцев. Но на баррикадах сидел люд крутой и тёртый, атаки отбивали, справлялись. Железными чудищами стыли в унынии бронетранспортёры с задранными стволами, сновало множество жёлтых, синих, белых машин с мигалками, сотни мини-раций тряслись в красных руках озабоченных милицейских чинов и «военачальников», гудело, сопело что-то, сигналило, и непрерывно, впустую суетилось, суетилось, суетилось... будто в идиотическом авангардистском фильме маразматического абсурда. Никому ничего не было надо! Вот и всё.

А черные дымы ползли в небо, огромными, мрачными, извивающимися свечами. Жгли толь, покрышки, резину всякую. Дважды обходил я огромное, ошетиненное стволами внешнее кольцо, пытался проскользнуть к восставшим двориками — один паренёк присоветовал, мол, только что сам оттуда, два раза туда-сюда ходил. Не тут-то было! Во дворах, будто сошедшие с видеолента американских боевиков сидели, стояли, топтались совсем уже не похожие на русских, вооруженные до зубов, закамуфлированные, заматанные до глаз зверовидные головорезы — спецназ, а какой, разве разберешь, когда их столько развелось.

При приближении к ним, головорезы вставали и делали шаг вперёд, эти уже не предупреждали, они готовы были размяться, скучно им было. А мне казалось почему-то, вот отдежурят свою смену, получают за сиденье и топтанье, за крушение челюстей и избивание старух свои доллары, переоденутся — и вольются в сытую, жующую толпу на Новом Арбате или тысячах таких же «арбатов» по всей Расеюшке и будут ходить толпой туда-сюда, холёные и кормленные, с нерусскими отсутствующими глазами. И расстраивался ещё больше — где Русь? Где люди русские? Где защитники земелюшки родимой и воины её праведные? Неужто все повывелись, да вы-

старились в этих вот бедненьких и простеньких старушек и ветеранов с палками и обвязанными верёвочками очками?

Тоскливо было в тоскливый этот день. Дважды пробирался я к Дому Советов. Но там было тихо. Пoblёскивали смертным блеском валы страшной спирали Бруно. Стояли ряд за рядом, шеренга за шеренгой не просто «внучки», а отборные мордороты, будто всех «качков» со всей России собрали да в броню вырядили. Стояли, но пройти было можно — восемь колец насчитал я, петляя дворами да проулочками. Но в самом окружении Дома Советов стояли уже наглухо, как вокруг Смоленской, плечом к плечу, броня к броне, и БТРы, и грузовики, и машины поливальные, из коих вдруг высыпали отделения бойцов и начинали ноги разминать, дело виденное ещё и первого, и девятого мая. И все с противогАЗами наготове.

Судя по всему белодомовских сидельцев собирались поначалу тихо и мирно травить газами, без пальбы и танков. Правда, на каждого баркашовца и приднестровца, коих окрестили «бандитами» и «боевиками», в Доме Советов приходилось по тридцать женщин да детишек. Но, видимо, режим эта мелочь не смущала — лес рубят, щепки летят. Ходил я, бродил — пока не заподозрили в чём-то подрывном, да не погнали от «объекта». Но тихо, лениво погнали, не от сердца, а по «долгу службы». Никому ничего не было надо!

И этим мордоротам ничего не было нужно. Ни стрелять, ни ругаться со старухами, ни подыхать от случайной пули даже и не «боевика» вовсе, а одного из подпитых своих — это, конечно, позже, но всё равно — им не было нужно. Им были нужны только те самые баксы, что им наобещали. И всё! Эти тоже были из сытой и жующей толпы.

Вернулся я на Новый Арбат, когда уже начинало темнеть. На парапете подземного перехода, под нелепым и синим глобусом, знакомым всем, стоял Аксючиц и призывал пять-шесть десятков старушек, ветеранов и изможденных парнишечек к спокойствию. Он поведал, что случилось с утра на Смоленской. Народ собрался на митинг, хотели идти к Дому Советов, нагрянули каратели, завязалась рукопашная, садистски избивали выхваченного из толпы учителя, пинали поверженного, добивали дубинами. Потом один из карателей вынул пистолет и дострелил умирающего.

Позже убили парнишку, который бросился на выручку. Пролилась первая кровь. Теперь должна была последовать анафема — недаром ведь Патриарх грозился проклясть первых, про-

ливших кровь. Кровищи и до того дня пролилось много — с 22-го числа лилась она и лилась. Но не было доказательств, не было — сотнями, тысячами народ попадал в больницы с черепными и прочими травмами, избитый и израненный, да, видно, врачам по Москве особое распоряжение было выдано, не свидетельствовать пострадавших... ну, а сколько трупов вывезли да схоронили в заброшенных карьерах, прудах, оврагах — одному Богу известно, работали до самого ослепительно светлого воскресения 3-го октября профессионально, замывали следы, даже поминавшиеся западные борзописцы и их операторы, избитые да изувеченные у метро «Баррикадная», видно, из любви к демократии и демократическому режиму помалкивали. Такая вот демократия!

А ведь снимали всё, снимали все дни подряд, с 22-го сентября по 6 октября и позже, снимали тысячами камер, я всё видел своими глазами, индикаторы камер, эти красные глазки, горели круглосуточно отовсюду: снизу, сверху, слева, справа, изо всех щелей. Вот такая демократия! Наверное, чтобы увидеть всю правду, надо, чтоб тоталитарист-диктатор какой-нибудь пришёл к власти. Демократы-лицемеры не показывают. Ну да Бог... прошу прощения за святотатство, с ними, конечно же, не Бог, а их отец родной и хозяин — дьявол, вот и пусть так будет, дьявол с ними!

Поговорил Аксючиц, поговорил — да и уехал. А дымы всё стояли. Страшные, чёрные дымы над Москвой — вестники нехорошего.

Приехал я домой удручённый и мрачный. Больная мать сидела в кресле и ничего не слышала, считала удары сердца: «Один, два, три... тридцать...» И всё. Тридцать ударов в минуту. Сердце совсем отказывало, она была бледной, отёчной, с посиневшими губами. Но вызывать скорую или ехать в больницу категорически отказывалась, это ещё больше угнетало меня. Я не мог разорваться. Я не мог ничего поделаться — ни здесь, ни там.

Дважды врачи-изуверы из её поликлиники заставляли ездить к ним на прием, еле живую, задышающуюся, теряющую сознание, с тридцатью ударами, пульсирующей тонкой ниточкой. Спецы! Мразь! Это были они же, порождения «нового порядка» — сытые, тупые, жующие, им ничего не было надо. Но мы верили им, ибо кому же ещё было верить — врачи, клятвы Гиппократата... всё в прошлом.

Теперь «новые русские», гангстеры в белых халатах, новые реалии нового бытия — «процесс пошёл», как говаривал один плешивый иуда. Мать держалась. Не хотела оставлять дома. Да и какой это возраст, семьдесят, обойдётся,

ведь ещё две недели назад ходила да бегала.

Выслушав упрёки жены, развёл я руками. Я ведь не мог влезть в сердце матери, заставить его биться быстрее, сильнее, я не мог подключить своего сердца. Я мог только вызвать скорую. С гнетущими тревогами, нервный и усталый включил я телевизор и просидел в кресле до полуночи, ожидая, что вот выявится вдруг на экране благообразный лик Алексия Второго и предаст Патриарх анафеме убийц, как и обещал. Ещё верилось Патриарху, казалось, верховный пастырь всех православных это ж все-таки не трибунный обещальщик, готовый хоть на рельсы лечь, хоть ещё чего покруче загнуть.

Не выявился, не проклял. А своевременно сказался больным. И ещё горше стало от этого — никому ничего не надо! И вот тогда пришло ко мне совершенно чёткое... нет, не осознание, не предвидение, а знание — предадут. Сразу припомнились мрачные, холодные, дождливые и гадостные дни после знаменитого президентского указа, когда, казалось, из самого ада выползли чёрные, беспросветные, колючие тучи и закрыли собою Москву. Это был знак.

Страшный указ. И страшная чернота, мразь, слякоть, холод, ураганный ледяной ветер в столице. Возрадовалась преисподняя и дохнула своим леденящим дыханием, погрузила в предбытие своё град вавилонский. И отвернулся Христос от погибающей блудницы — ни лучика солнца, ни просвета... а только мерзость и уныние мрака.

Я ходил в те дни в Дом Советов, смотрел, слушал, видел всех. И уходил. Камень лежал на сердце моём. И непонятно мне было, почему туда столь отчаянно рвётся Проханов, проклинавший совсем недавно губителей Союза — всех этих депутатов, ружкиных, хасбулатовых.

Нет других. Один ответ. Других не было. Или сейчас или никогда. Поле Чести! Время не даст другого шанса. Но предадут они поверивших в них. Нет, я не верил тогда, что предадут. Просто тревога душила мою душу.

И когда подступы к Дому закрыли, я приехал туда. Я стоял во мраке на безлюдном мосту. И ветер, Ураганный, ледяной, мокрый ветер бил в спину, толкал вниз — в мертвенные волны отравленной реки. И прибывались стайками и одиночке люди с плащ палатками, укутанные, с вещмешками, и спрашивали одно — как пробраться ТУДА?! Я показывал им, Но сам я не шёл ТУДА.

Я стоял под хлещущим дождём и видел не мрак... а смеющиеся, довольные лица — они пришли к власти тогда, в августе девяносто пер-

вого, когда сердце щемило от острейшей боли за Россию. Они убили мою Россию — как бы она ни называлась, Союз, Совдепия, плевать, вывески не имели значения, вывески тленны, все идеологии выдыхаются, отмирают, а Держава остаётся.

Будь Сталин хоть трижды коммунистом, он не разрушил Империи, он упрочил её, выбив крепкой ногой табурет из-под палачей Русского народа, расчленителей и «бешеных псов», мне плевать на вывеску, страна жила, блюла границы, не давала себя в обиду, шла к просветлению, к возрождению, богатству и славе, и все бы эти вывески сгнили бы, и никто про них не вспомнил бы никогда, ибо Империя выше червей-паразитов, изгрызающих её, она должна давить их, не спрашивая их имён, ибо низки и мерзки — они остановили естественный ход Истории, они обманули всех, сказав, что борются с коммунизмом, они не убили большевистской мерзости ни вокруг, ни в самих себе, но они убили Россию.

Они — и Хасбулатов, и Руцкой, и иже с ними, все, сидящие в блокадном Доме, все депутаты проголосовали за расчленение Родины, за тайный сговор в проклятой навеки Беловежской Пуще. И это они смеялись тогда, они были довольны. И пусть раскаялись они, пусть! Раскаившийся убийца всё равно остается убийцей, жертву его не воскресить и событий вспять не повернуть.

А народ шёл, шёл в Дом Советов. Народ видел Президента Руцкого, взявшего на себя бремя власти. Народ слышал: «Я не выйду отсюда! Я не выйду отсюда живым!» Время стирает старые боли и обиды. Да! Боль и обиды можно простить, забыть. Но нельзя поверить. Очень хочется, ведь это шанс, это кивок удачи, единственная возможность вырваться из оков колониального ига. Но предадут вас, и падете ещё ниже!

Нет, я не верил тогда в предательство. Человек живёт надеждой. Я стоял на мосту и смотрел во мрак — Белый дом был чёрен и мрачен, он был такой же как эти адские, чёрные, колючие тучи. Но внутри него горели свечи, я знал. И эти свечи могли осветить Россию, разорвать мрак над нею. Могли.

Ещё тогда, будто в злом предзнаменовании, «белый дом» был Чёрным Домом. Мы изменили себе сами, вслед за теми, кто всегда изменял всем и повсюду. Белый Дом! Им хотелось жить в своей, хоть маленькой, плохонькой, беденькой, но «америке». Им не хотелось жить в России. И они начали называть себя на «американский» манер префектами, мэрами, президентами... они думали — вот переименуют все вокруг в оффисы, департаменты, супермаркеты... и

станет всё как там, пусть хуже и плоше, но, главное, чтобы как там! Плебеи. Но они заставили нас называть себя так, как им хотелось, и всё вокруг называть так, как и им желалось. Магия слова! Наш «Пентагон», наш «сити», наш «белый дом»...

С такой же суетной поспешностью и блеском в глазах давным-давно, наверное, вожди всяких там папуасов угодливо перенимали все от своих белых господ-колонизаторов. За вождами была первобытность. За нами тысячи лет культуры. Не все, правда, об этой культуре слыхали. Наши вожди не слыхали. Плебейство, холуйство, смердяковщина. Идти в «белый дом»? Защищать «нашу молодую демократию»?!

Мрачные мысли навевал ледяной ветер. Что там у Руцкого было в голове, ежели говорил он о двух вещах несовместимых: о России и о «молодой демократии», ради которой нам, мол, надо бы и жизни положить. Нет, выбери что-то одно. Или ты с демократией и «мировым сообществом», губящим Россию. Или с этой гибнущей Россией, с её народом, истребляемом демократами. Не служи двум господам — бить будут.

И всё же это был подвиг. Подвиг не от осознания, подвиг с перепугу — их отменили, запретили, и парламент, и спикера, и вице-президента — подвиг отчаяния, когда уже не просто припёрли к стенке, а когда выбросили за борт.

Ну а пока ещё не приперали и не выбрасывали? Что, надеялись ужиться? О России думали? Или о «молодой демократии» под патронажем настоящего, а не холуйско-лакейского Белого Дома?

Стоял я на мосту, продрогший и заледеневший. Мог пойти ТУДА. А мог и не пойти. У меня были отступные пути. А они говорили, что «живыми не выйдут». Тогда ещё никто не знал, кто выживет, кто не выживет — все под Богом ходим.

Ещё в далеком детстве, помню, насмотримся мы с друзьями-ребятишками фильмов про «подвиги разведчика» и прочих, и ну друг дружку просвечивать: «а ты б выдал под фашистскими пытками, предал бы?!» Тогда все ребята в эти игры играли. И отвечали одни: «Не знаю, держался бы, пока мог...» И верил я им.

Но говорили другие пламенно и пылко: «Ни под какими пытками не выдам! Ни за что не предам!» И знал я — предадут, именно эти предадут. Слишком пылко и пламенно говорят, слишком много блеску в глазах.

Некоторые сокрушители и губители России, сдуру выпихнувшие к власти русофобов-демократов, рвали потом на головах остатки волос:

и Юрий Власов, и Станислав Говорухин... Им верилось. Творили, сами не ведая, что творят, хотя не в лесу жили, могли бы полистать кое-какие издания да газеты. Нет, куда там.

Но этим верю, пусть замаливают грехи с чистым сердцем. Простому и прямому генералу Макашову верю. Этот не вихлял, знал — Держава одна, и не «демократическая» она, не «коммунистическая» и ещё какая, а просто Родина, которую надо защищать от врага. Он не искал отступных путей. А кто искал?

Я помню, как метался по площадям и заводам Ельцин, как взывал тщетно к работягам да прохожим, не слушали, не хлопали, посмеивались со злым прищуром... А в Кремле голоса считали, кто доверяет, кто не доверяет. Искрутился спикер, извертелся, мог дожать, но не дождал, маленькую лазеечку назад для себя оставлял, думал, после такого урока будет вытянутый им из почти уже свершившейся отставки президент тише воды, ниже травы.

Да просчитался, слишком много ходов прокрутил-нагадал, там, где только два были: «да» и «нет». Играл в «законность», будто не знал, с кем играл. Всё знал! Отступные пути готовил. Как комиссары гражданской — выскочат из окопа, завопят «вперёд, товарищи!», взмахнут картинно маузером, все «товарищи» так и бросятся вперед... а они — в окоп обратно.

И при всём при том это было сопротивление. Хотя какое-то сопротивление разрушителям-колонизаторам. А потому уже — подвиг. Вот и пошли, прощая все прежние преступления врагам своим, пошли под их знамена настоящие Русские парни Баркашова, приднестровцы, казаки. Они поверили. Поверили, хотя знали не меньше моего.

А знание было простое: старые грехи долой, будто не было их, встал за Россию, значит. Русский, всё позабыть можно, но... были мы там, были, ждали — вот сейчас тем, кто поверил, тоже поверят, выдадут хотя бы на пятерых, на десятерых по автомату или уж, на худой конец, по «Макарову». Не выдали. Значит, поверившим — не поверили. Правильно, всякие бывают, и подосланные, и провокаторы разные, но так те, ежели потребуется и свои стволы пронесут.

Не поверили! Почему? Отходные пути мостили. Вроде бы, вперёд! За Родину!.. но из окопа, в котором потайные траншейки ведут далеко-далеко от поля боя. И всё равно это был подвиг. Говорят, только глупец бросается в огонь, очертя голову, а умный всегда, идучи в атаку, знает, куда при отступлении бежать. Тогда так бы и сказали: «Уйдём, коли совсем прижмут, но уйдём продолжать дело!» А сказано было: «Живы-

ми не уйдём!» И потянулись на клич такой люди Русские, честные, бескорыстные, простые и верящие слову. И... Но это потом.

А в те хмурые дни я стоял под хмурым небом и думал о «молодой демократии» и её защитниках. А на подступах народ били. Изю дня в день.

Народ-то простой всё, пенсионеры, подростки, женщин много, они не знают, что надо не под флагом и не кучей, а по одному, будто бы мимо, врассыпную — тогда и пройдёшь. А они кучей, как при старом режиме, когда стражи порядка ещё охраняли шествующих.

Ныне шествующих били беспощадно, как завидят группку возле метро или подале, так и бегут бить. И всегда карателей было больше, это как-то даже путало: где народ-то? может, вот эти ражие молодцы в форме и есть народ, их большинство. Горькие были дни. И тягостные. О тех днях отдельно писать надо — каждый день — роман, и то не вместятся все судьбы.

И давило что-то чёрное, гнетущее — всех давило, у кого хоть что-то в голове было. С экранов — истерическое давление, мол, окопались «красно-коричневые» коммунисты, враги демократии, сидят и смертные приговоры подписывают, списки чёрные составляют — сами себя демократы пугали до чёртиков в глазах, а народ слушал, жал плечами, да думал втихую, хоть бы вас, дармоедов, побольше включили в эти самые списки!

Два пресса, два давления. С одной стороны верхушечно-телевизорное, визгливое, запугивающее, вопящее, трясущееся и исходящее от страха и злобы желтопенной слюной, а с другой стороны — народное, тихое, безмолвное, необъёмное и потому тоже страшное, а посреди... вернее, сбоку — жующие толпы с пустыми нерусскими глазами. И бронетранспортёры, пулемёты, автоматы, каски, щиты, дубины, камуфляж — будто вражий десант несметный высадился посреди города и ждёт команды.

Давило. И всё равно душа воспаряла, ведь хоть и безоружные против сотен тысяч стволов, хоть и наверху невесть кто и откуда, хоть и неразбериха, растерянность, суета, а всё ж таки — вот оно, впервые, против нерусей заморских за землю святорусскую. Не идеальные заступники. Но нашлись. И встали богатырской заставой не где-нибудь на дальних рубежах, а там, куда враг подступил, даже и не подступил, а в самом его логове!

И светлее становилось во мраке и холоде. И вот сидел я 2-го октября, в день начала Народного восстания в Москве, до полуночи перед вра-

жым ящиком, ждал слова Патриаршьего. И не дождался. Никому ничего не надо! И вот тогда я понял, нет, узнал — предадут. И заклеялся, хоть убей, не ходить никуда. У меня дело. У меня дом. У меня мать больная — сидит, ждёт, когда сердце остановится. Тридцать ударов! Одна нога в пустоте уже...

А перед моими глазами стояли чёрные дымы на Смоленской. И уже знал я, что сведут всё опять ни к чему, как во время игр в «доверие-недоверие», потому что нет у нас сейчас ни Мининых, ни пожарских, не родила их земля наша. А если и есть где-то — не дойдут, не поспеют. Всё впустую.

Так и лёг угрюмый и мрачный. Так и встал — мрачный и угрюмый, с неприкаянностью в сердце. Матери моей, Марии Николаевне, стало получше малость, чуть порозовела даже, хотя и пульс не участился, и сердце сильнее не забилося. Но глаза ожили немного. А я бродил из угла в угол мёртвый душой и неприкаянный. Потом взял жену, да и поехали мы куда глаза глядят, по Москве колесить. Но только не туда... только не туда!

Изъездили мы немало, истоптали ноги, мыкались, мытарились уже оба, ибо заразил я и её неприкаянностью и унынием. И сами не заметили, по какой-такой кривой, как выбросило нас на Калужскую, прямо через патрули милицейские и армейские, которые просеивали народец ещё на станциях метро.

Выбрались мы в сияние солнечное, в ярый, озаренный небесным огнем день, в сверканье щитов и касок. И сказала мне моя Нина Ивановна:

— Будет дело.

И сказал ей я:

— Не посмеют.

И поняли мы друг друга.

Это тогда, в первомайский денёк, заманили демонстрантов в ловушку, тысяч восемьдесят заманили, да устроили побоище лютое. До того людей забили-затравили, что пришлось тем, жизни спасая, взламывать мостовую булыжную и пускать в ход «оружие пролетариата». Насилу отбились тогда.

Но уже 9-го мая, когда вышли четыреста тысяч, огромной живой рекой, с флагами: «Русские идут!», не посмели встать на пути. Видели мы тогда с Ниной Ивановной, как таились по всем дворам и подворотням каратели, как стояли там без числа и счёта спецмашины да броневики, видели и противогазы... посреди Москвы, у всех, но не случайно! Орды, орды и орды таились по закоулкам, выжидая знака к расправе над людом

московским. Но не посмели. Слишком уж много народу вышло.

Слишком уж открыто и прямо шли русские люди, не пряча своих боевых наград ещё за те, военные победы. Слишком много объективов сияло — на каждом столбе фонарном по пять фотокорреспондентов сидело, из каждого окна по Тверской камеры торчали — ждали крови, ждали боя. Но не посмели тогда, в святой день, поднять руку на ветеранов Победы, побоялись, видно, что встанет Россия и сметёт колониальную администрацию — ведь хуже горькой редьки надоели всем демократы, само словечко-то непотребное «демократия» в грязное ругательство превратилось и произносилось в люде российском не иначе как «дерьмократия», да ещё с добавлениями: «хреновая, поганая, долбанная» и похлеще.

Позвал бы Руцкой из своего малого «белого дома» не «молодую демократию» защищать, а матушку Россию, миллионы бы к нему пришли. А он по старой демократической памяти — всё «демократия» да «демократия». Боевой генерал! Хотя к тому времени, к концу сентября да к 1-му и 2-му октября телевизионные гарпии вопили с ужасом в своих выпученных глазах-сливах, что, мол, уже и не Руцкой с Хасбулатовым бал правит, а какие-то страшные, фашистские «красно-коричневые боевики», что взяли они полную власть над бывшим, по их счёту, вице-президентом в придачу со спикером (будь оно неладно это иноземное словечко).

Итак, 9-го не посмели. Про это я и хотел сказать. И сказал. Но кривил я душой на счёт дня сегодняшнего, в котором стояли мы под ярым солнцем. Ведь знал, после вчерашней бойни и осады не то что посмеют, а по стенам размажут! И потому послал я любимую и ненаглядную домой. От греха подальше. Женщина она горячая, жаждущая везде и во всём справедливости. Одним словом — казачка, не чета нам, москвичам, привыкшим к мерзостям и гнусностям.

Я видел, как она закипала, расходилась, один вид тысяч щитов и дубинок действовал на неё словно на быка красная тряпка. И сказал я ей:

— Поезжай домой, за Марией Николаевной присмотришь. А тут всякое может быть, я-то тебя знаю, ещё углядишь, где чего не так, да проломишь башку какому-нибудь милицейскому чину вместе с каской, а мне потом тебе передачи носить.

— Тогда пусть лучше на месте убивают. — ответила жена. — Это ж надо, вышли с палками на старух и баб!

— С тобой всё ясно, — успокоил я её.

Нина выдала мне целый букет напутственных советов, зная, что тянуть меня домой уже бесполезно, ничего не выйдет. Но не ушла. Обошли мы с ней всю Калужскую, встали у начала проспекта — и увидели такое море людей, что головы закружились.

Карателей были десятки тысяч. А народу — сотни! И вот тогда понял я, что не ноги меня приволокли сюда, и не жена, а Божье Провидение, и что идти мне с моим народом туда, куда он пойдёт, а убивать будут, значит, судьба. И ещё раз послал я Нину Ивановну домой. И сказала она, что поедет, вот только постоит малость, подышит свежим воздухом, поглядит на народ.

Потому как права она была — это шёл именно Народ. А по другим дням по улицам сновали толпы. Народ он сразу виден. Его не перепутаешь с толпой. И стенами, стенами, стенами в сотни метров белели огромные щиты, вся площадь — огромная масса людей в обрамлении сверкающих щитов и касок.

По телевизорам жёлтые пропагандеры нам показывают на состряпанных ими «патриотических» митингах беззубых уродов, снятых особым приёмом, полубезумных старух, матерящих всех подряд, прибившихся бомжей. И впрямь прибиваются к Народу всякие. Но не они есть Народ, лгут мошенники телевизионные, им за это платят.

Чтобы прикинуть, сколько примерно собралось в поход на «белый дом», залез я на парапет черногранитный, и поразился: ни конца ни краю людскому морю. Глазомер у меня надёжный, в армии служил в мотострелковых частях, совершенно точно знаю, как выглядит рота, как полк, как дивизия, знаю и сколько в каждом подразделении народа и на какой площади уместиться могут.

Вот и разбил я море человеческое на квадраты да прямоугольники, вперёд, назад — сколько глазу далось на подсчёт: за пятьсот тысяч — а дальше не видно было. И спрыгнул я тогда с парапета. В третий раз направил жену домой, за матерью присмотреть и себя поберечь. А самому надо было пробиваться в голову колонны, иначе и не пробьёшься!

Народ восстал.

Пока я в унынии терзал себя, обуреваемый тревогами и предчувствиями. Народ восстал.

Это было сразу видно. Люди шли плотно, сцепившись руками, под знамёнами и транспарантами, под синим, безоблачным небом и ясным солнцем. Сам Господь Боге небес подавал знак. Это Он разогнал мрак чёрных туч преисподней. Это Он, а если и не Он сам, то Архистра-

тиг Небесного воинства Архангел Михаил вёл народные полки — безоружные, но вооружённые самым сильным оружием — Правдой, вёл по земле Русской.

И уже ощущалась какая-то неуверенность и робость, даже растерянность в лицах «стражей порядка». Да и сами лица здесь, на Калужской были иные, человеческие, русские, не то что у Дома Советов, видно, не смогли набрать столько нелюдей, пригнали подневольных милицейских ребят, русских парней, которым, коли б не служба, идти со своим Народом.

Вот так взяли демократы, да и поделили Русских на тех, что со щитами и дубинками, и тех, что с Правдой. А кто истерикам по вражьему ящику предавался-то? Всё люди нерусские, гомонящие, суетные, скуляще-плаксивые и одновременно напыщенно-наглые, с блестящими выпученными глазищами, да лошажьими носителями, да каким-то приговором иноземным, да с картавеньким присюсюкиванием-прихлопыванием, чужие, не наши, бегущие отсюда да никак не убегающие, жгущие за собою мосты наши, жгущие дома наши, а сами — всё чужие, чужие, чужие...

А тут, на улицах и площадях, свои — и с одной стороны, и с другой. И прислали тех, что с другой, чужие. Прислали, а сами не пришли, чужими руками сподручнее кровь проливать и безопасней.

И пробивался я в голову исполинской колонны, и смотрел на тех и других. Русские люди, доколь же вас стравливать будут чужаки в доме вашем?! Бросьте щиты и дубины, идите с нами! Дело и не в тех вовсе, кто в Доме Советов заперся, а в нас самих, не хотим в колониальную «дерьмократию», под иго чужим, трусливым и наглым, обирающим нас, унижающим нас. Не хотим! И вы не хотите!.. Но служба.

И отворачивались парнишечки-милиционеры, здоровые, крепкие, цвет нации... плоть без души, тела без головы, рождённые русскими, но служащие «мировому сообществу».

Долго ввали потом, что это сброд шёл, что банды «боевиков», «коммунистов», вырождков всяких... Ложь — ремесло врущих. Имя им легион. Отец их дьявол. И средства всей дьявольской пропаганды в руках легиона. Это они вырождка, как справедливо писал гениальный русский учёный и писатель Григорий Климов.

А шёл по Калужской и дале — Народ, люди умные, добрые, честные, красивые, рабочие, инженеры, учителя, школьники, приезжие... да тот самый люд, что своими руками и сделал нашу Державу, что не по ларькам и банкам си-

дит, а по заводам, фабрикам, институтам исследовательским, школам работу работает.

Хороший люд. Русский. И большинство — женщины. У нас везде женщин большинство, потому как мужиков наш враг повыбил да споил, рассажал, сдурил их и оморочив, по тюрьмам и лагерям. Но шли оставшиеся мужчины, шли твёрдо, смело — и за себя, и за тех. Пенсионеры шли, ветераны, переменяя годы и болезни, старики, не сломленные битвём дней последних. Были даже с совсем свежими повязками на головах, с проступающей, незасохшей ещё кровью — этих уродовали и ломали вчера-позавчера. Но они все равно шли, ноги держали, значит, надо было идти.

Не погромщики, не хулиганы — ничего не трогали, не разбивали, шли достойно, с благородством и спокойствием подлинных хозяев всего, что окружало их — своя земля! Это у тех вислогубых истериков, что с экранов дьявольских не сходят, пусть под ногами земля горит — чужая для них земля. А мы шли по своей.

Пробился я в голову полумиллионной колонны. И все мои горести и тревоги ушли, развеялись, будто и не было их. Слово сгинуло в адскую пропасть вместе с адскими чёрными тучами, что согнал с лица Москвы Господь Бог, в преисподнюю провалилось всё мрачное и неприкаянное. И осталась лишь надежда.

До этого часа, объехав всю Москву, вдоль и поперёк, я видел кольца оцеплений повсюду, цепи, цепи, цепи... одни каски, несчитанные тысячи охранников режима, несчитанные. И думал я — бояться, ох, как бояться Народа. Кругом сотни спецавтобусов, военных грузовиков, БТРов, рации, переговорники, стволы, стволы, стволы — несчитанные тысячи стволов. Люто бояться! Эдакие бронированные рати выставить против безоружных.

Ни одна из программ потом не показала, как выглядела Москва в тот ясный и Божий день. Но шли люди. И остановить их уже не мог, ни президент, ни сам дьявол. Мы видели заграждения — первое ошестиненное, переминающееся, ждущее — у входа на Крымский мост. Они боялись. Это было видно даже издали. На них шёл людской океан, шло цунами. И они понимали это. Суетились, дрожали, пятились.

Они уже были сматы, цунами ещё не доказалось до них, но по бледным и мокрым от холодного пота лицам было видно, они представляют, как их сейчас будут разрывать на части, топтать, вбивать в асфальт, швырять с моста к холодные и грязные воды (в броне!), им уже мерещилось, как сомкнутся на их глотках цепкие пальцы, как вонзятся ногти в глаза, как будут

трещать хребты их... на них, всего нескольких тысяч бронированных и вооружённых, защищенных щитами и рыком командиров, надвигалась беспощадная Стихия.

Но они ошибались, это шёл Народ. И ещё задолго до столкновения витали над головами восставшего люда мегафонные призывы: «Никого не трогать! Закон и порядок! Это наши русские люди! Не бить! Не оскорблять! Мы пройдем! Они не посмеют нас остановить...» И всё же колонны встали. Это были считанные минуты переговоров. Это были минуты, когда был предъявлен ультиматум — пропустить Народ! Нет, не отступили, не пропустили... бледные, потные, трясущиеся, но не смеющие пойти против начальства, против нерусских. И смеющие встать на пути Русских.

Побоище было коротким. Я не видел ни одного прута, ни одной палки в руках шедших со мною, в первых колоннах. Телами, грудью они двинулись на прорыв — страшно и неостановимо. И замелькали в воздухе дубины, вздыбились щиты, тысячи ударов сразу, грохот, визг, вопли, боль, страх... и мужество. Люди вырывали щиты, выбивали голыми руками дубины, поднимали их, щитами таранили, пробивали бреши, дубинами прокладывали путь — лишь с этих минут, когда на них подняли руку, люди стали вооружаться отобранном оружием. И давили, давили, давили...

Полураздавленный, всего в двух метрах от огрызающихся, отбивающихся, звереющих «стражей» давил и я своей грудью на ломающиеся, прогибающиеся цепи, да так, что сердце заходилось и подгибались уже ноги. И всё же не видел я в людях ненависти, остервенелости, злобы — они просто сметали на своём пути живую преграду. Никто не мстил за побои и раны, не оставливался.

На какой-то жуткий миг вынесло меня напором тысяч тел к самым барьерам над водой. И завопили сразу в два голоса два «стража», с них сдирали каски, шинели, выбивали из рук сап лопаты и тянули туда, к воде, глухо стынущей внизу. Это был единственный момент, когда могло свершиться возмездие. Но тут же десятки рук вцепились в ретивых, оттянули, высвободили обезумевших от страха.

Я засмотрелся, зазевался. А передние рванули вперед — с этого места. Народ уже не мог идти мерным шагом, он побегал. Издалека ударили первые выстрелы — били залпами, газовая атака. Ветер сносил газы. Надо было пробиваться вперёд, дорога освободилась, но десятки людей успокаивали растерянных, плачущих, опрокинутых милиционеров, возились с ними будто с

детьми малымя, а не врагами недавними.

Да и какие они были враги?! Враги их подставили под Народный вал. А сами — нет, не враги. Две женщины обтирали кровь со скулы сержанта, крепкого и высокого, но дрожащего, бледного. Всё! Больше глазеть было некогда, и я рванул вперёд, на бегу разглаживая грудь, утишая глухо стучащее с перебоями сердце. Лет пятнадцать бы скинуть. Подготовка не та. И всё же, через гадкие дымы, шатаюсь и зажимая нос платком, я почти догнал передних — у новой преграды уже шло новое побоище.

Как же быстро, nepocтижимо быстро, стучали дубины по головам и щитам, будто железный горох просыпался с неба. Но шли в ход уже какие-то обломки, деревяшки, били даже касками, били — не стой на пути! И падали, и стонали, и обливались кровью. Но не останавливались. Это был героический прорыв! Это был всплеск народного безудержного гения! Я оглядывался назад и видел — полумиллионный народный вал, растянулся, но он шёл, накатывал, неустойчиво нёсся за нами, за сокрушающим гребнем.

Ещё на Калужской я заметил несколько бригад с видеокамерами, которые работали бесшабашно и умело. От самого начала и до конца героического прорыва. Молодые парни бежали с камерами, они как черти возникали то тут, то здесь и успевали везде! Меня даже поразило это — они снимали всё! Уже позже я долго мучился вопросом — где эти кадры, где ленты, кассеты, ведь героический народный прорыв был заснят во всём его порыве, силе и мощи. Это преступление — не показать миллионам Русских людей, как всё было на самом деле.

Парни, отчаянные парни, я не знаю, на кого они работали, там явно были две бригады наши и ещё не наши, иностранные. Эти парни рисковали, неслись загнанными лошадьми вперёд, лезли под дубины и в газовые завесы. Ради чего?! Почему не показывают?

Потом только попались мне заметки в одной из неразгромленных после подавления Восстания газет, что, мол, весь материал (фантастически огромный!) был без права показа отобран и направлен в следственные органы для выявления личностей восставших, для составления на них картотек, а в случае чего и для немедленных, тотальных репрессий против них. Да, так и было. Но всё же парни делали своё дело не для них, для охраны они бы не стали лезть на смерть.

Обидно, как обидно! Но я верю, что все утаённые властями материалы наши недруги не успеют уничтожить, народ увидит правду. Народ

увидит себя. Ещё будут сняты и документальные, и художественные фильмы об этом nepocтижимо-прекрасном дне взлёта Народного Духа. Но это потом. А тогда я бежал, задыхаясь, протирая слезящиеся от газа глаза, с таблеткой валидола под языком, на заплетающихся ногах, бежал среди сотен брошенных щитов, дубин, касок и прочей дряни.

Я не останавливался, чтобы подобрать что-то, не нужно, моё оружие — память. Я должен всё увидеть, всё запомнить, чтобы люди знали ПРАВДУ! Ибо горе побеждённому, гласит мудрая поговорка, его историю напишет победитель. Соврёт, исказит, ислевещет...

А мне врать не дано. Я писатель, я русский писатель, один из немногих, почти один посреди сонмов русскоязычных борзописцев. Жизнь повывела нашего брата, куда проще ничего не видеть, писать всё одно и то же про пьяненьких и дураковатых русских мужичков, «африканьей», воспевать кондовость да замшелость — безопасно. Но Россия она не в одной лишь замшелости возвеличилась и размахнулась на четверть света. Но о том уже боязно не то что писать, а и думать для многих. Русскоязычные ничего не боятся, кроме погромов и возмездия, но доброго они про Русь нашу матушку не напишут и про народ наш хорошего не скажут, не любят они их, ох как не любят. Вот и бежал я в клубах дыма и гари, чтобы всё видеть. А было что повидать!

Не считал я уже ни заслонов, ни кордонов — живой рекой гудела дорога, и сама несла ноги. И разрывались, распадались кованные цепи, разлетались гремящими зелёными мисками каски. И будто обезумевший носился и врезался в цепи захваченный грузовик, и цеплялись за него, и падали, и вырывался он из засад, рычал, фырчал, вертелся, и снова шёл на таран, и прорывались в бреши люди, и крушили спецавтобусы и грузовики военные да милицейские, разбивали их, взбирались на них и кричали: «Ура! Долой оккупантов!»

И бежали смятенные стражи, бросая всё. Им обещали забитых и запуганных, тех, кого сама рука тянется огладить ежели не дубиной, то плетью. А пришли воины. Не погромщики, не мародёры, не хулиганы и драчуны, а именно воины — сильные, смелые, не бьющие лежащих, не преследующие бегущих и побросавших оружие. Пришли и сломили их благородные и могучие. И прорывали они только заслоны. Громили только машины, которыми их давили, из которых их поливали чёрт-те какой смесью — всё было залито на сотни и тысячи метров чёрной дрянью.

Мокрые, усталые, отравленные газами, они шли вперёд — и не было ни одной тронутой ими

палатки, ни одного задетого киоска, ни единой разбитой витрины. Это шли не «боевики», а хозяева своего города, хозяева своей земли. Ещё вчера, позавчера, все чёрные дни меня поражало, с какой ненавистью бьют омовцы и спецназовцы ногами поверженных ветеранов, бабок и школьников. Чего скрывать, я даже привык к этому зверству... и в этот яркий и благой день я ждал — вот сейчас, начнут бить и их самих, свершится возмездие и узнают они, каково лежать на мостовой и получать в голову, в живот, в лицо зверские удары кованных сапог.

Нет, не били, ни разу, ни единого удара, ни мщения, ни возмездия. Народ. И каратели. Каратели. И Народ. Насколько же они разные! Бесконечный и короткий путь к Дому Советов! Прорыв! Надо было видеть всё, тогда становилось ясным — почему не щадили себя, с голыми руками шли на бронированных мордворотов русские люди. Они шли во имя России! Шли, защищая, освобождая свою Родину.

А те... тем просто приказали стоять и не пущать, стрелять и бить, но им не приказали умирать... да даже если бы и приказали, они бы не стали, не за что и не за кого. За президента?! А чего они от него хорошего видели? За мэра с префектами? За усатого взводного? Тот и сам не желал ни за кого подыхать. За навязшую в зубах дерьмократию?! Ищите дураков! Ребяткам в серых шинелях, серых бушлатах, касках и броне, увешанных автоматами и дубинами, умирать и даже калечиться было совсем незачем.

И потому сильные духом сминали слабых, не помогали ни доллары, ни спецпайки, ни обещанные повышения по службе. А убивать из автоматов своих же русских милиция всё же не решалась. Да и опасно было, тогда бы не стали щадить, тогда бы автоматы могли перейти в руки восставших, как перешли дубины. Но ни те, ни другие не хотели стрелять друг в друга. Это было подлинно Русское восстание!

И не прав был Пушкин, когда писал «Страшен русский бунт!» Он писал про бунт калмыцкий, степной, пугачёвский, русские тут не причём. Русские до последней минуты щадят русских, щадят сотворённое руками братьев. И расстроенные, растерянные милицейские полковники да майоры, уже не надеялись на рации, уже отброшенные в тылы прорвавшихся, кричали, махали руками: «Уводите людей! Уводите!»

И они не хотели убивать и умирать за ельциных, гайдаров, чубайсов... Но нашлись те, кто поднял руку на Народ... Через груды битых стёкол из пожарных машин, поливавших передовые колонны, теперь разбитых и изуродованных, через рассыпанные по мостовой сникерсы, кон-

феты, галеты из милицейских мешков шли мы, бежали, рвались вперёд, к «белому дому», будто там была какая-то особая правда жизни, будто оттуда сияло это прорвавшееся из тьмы солнце.

И сидел на обочине, на бордюрике молоденький милиционер, мальчишка белобрысый, и рыдал в открытую, никого не стесняясь и размазывая слёзы по щекам. Это вот таких бросили на Народ Русский те, кто прятался за стенами и запорами. Русские прорывали заслоны русских. Уже ночью, измученный и еле живой, я смотрел и слушал по телевизору злословные, человеконенавистнические призывы наших «мастеров культуры», всех этих черниченков и ахеджаковых, шипящих и беснующихся от непомерной ненависти к русским... смотрел и думал: вот вы, неруси, ненавидящие нас, вы послали «держат и не пущать» нас русских парней, таких же как мы, а почему вы не вышли сами?!

Вы не любите Россию, вы презираете и боитесь русских — так идите смело, с открытым лицом, идите против нас! Нет, вы снова, как в семнадцатом, как в восемнадцатом прячетесь за русскими спинами и шипите, злобитесь, травите, травите, травите! Это вы приходили за измученной полуистреблённой, гонимой китайскими заградотрядами «русской» красной армией, приходили в чёрных кожанках палачей — и убивали русских тысячами, пытали, лили кровь по подвалам. И теперь вы прячетесь. Ну выйдите же для честного боя. Трусы и палачи, мерзостная слякоть, убивающая плесень.

И когда я мучительно терзаю себя, вымучиваю ответ, кто виноват: президент? мэр? милиция?! Всё чаще и чаще прихожу к выводу: да, и они тоже, но уже потом, а в первую очередь виноваты вы — это вы натравливали их! Это вы лили чёрный яд в их сердца, уши и души! Это вы всегда ненавидели и боялись Россию! Это вы губили её и продолжаете губить! Анафема вам, вселенским иудам, стравливающим нас из века в век, убийцам России! Вы убивали нас, убиваете. Но придёт ваш час держать ответ — не перед людьми, так пред Богом!

Огромные силы — несметное море касок — стояли на Смоленской. Каратели сбивались в трясущиеся, озлобленно-испуганные толпы, прятались за десятками машин. Даже издали было видно, что они, несмотря на вооружение, истерические запугивания отцов-командиров, броню были уже подавлены. И всё же дикий страх заставил их встать стальной тысячеглавой ордой на пути Русских.

Я не могу называть русскими тех, кто противостоял народу и защищал колониальный, иноземный режим! Да, приказ! Да, присяга! Но в

присяге нет ни слова про подавление своего же Народа! Эти парни обязаны были бросить оружие, обязаны были уйти, поступить по совести и по присяге. Я бы ушёл, я не поднял руки бы на братьев, на Русских — пусть дисбат, пусть судят, плевать, это лучше, чем всю оставшуюся жизнь доживать иудой, вырождаком-подонком, холуем, убивающим братьев по воле иноземного хозяина.

Исполчалось вражье войско, исполчалась орда проклятая, которую ни милицией, ни армией уже и не назвать, а только ордой! И замерли на время бегущие, остановились первые сотни, ожидая подкрепления, собирая силы. Я видел всё, я был уже в десятке шагов от передних шеренг, когда каратели открыли бешеную стрельбу... нет вначале она не была бешеной, вначале палили залпами, слажено, по команде, палили прямо в людей газовыми патронами, забрасывали газовыми фанатами.

Клубящиеся облака удушливого отравляющего газа скрыли всё. Но уже подтягивались отставшие. Уже рванул вперёд захваченный грузовик. И снова каратели выдвинули вперёд свои поливалки — струи мерзкой жижи ударили в застывших... Но все! Но не дали себя опрокинуть Русские! За ними была Россия!

А за карателями тошечные пачечки долларов и смердящий иноземный режим, который их трижды продаст, они знали, кому служили, им не за кого было складывать свои головы. Но они двинулись своей поганой басурманской ордой вперёд, они встали на пути. И снова застучали дубины, ударили громом сдвинутые щиты. Кто сказал, что русские выродились, что они трусливы и ленивы, что нет у России больше смелых и сильных сыновей. Ложь!

Их осталось немного, да, но они были и они есть. Я видел, как эти мужественные русские люди бросались на орду с голыми руками, как они теснили её, разрывали, отбрасывали, как они кидались на машины, не щадя своих жизней, останавливали этих железных чудовищ телами, вышвыривали из кабин трусливых наёмников, взбирались наверх, на кабины и вздымали Русские знамена. Победа! Победа!!

Сквозь смрад удушающего газа, беспорядочную стрельбу бегущих карателей, фонтаны из «поливалоков», вопли, визг, мат и истерические крики в рации звучали над площадью эти возгласы. Победа! Жестокое и стремительное сражение заканчивалось. Каратели в ужасе, бросая всё, в безумии животных, пытающихся сохранить свои жизни, давая друг другу, беспощадно и подло, по собственным головам и спинам, посылая на... своих не менее трусливых главарей-командиров, бежали — забивались по закоулкам, по щелям

будто клопы, будто тараканы.

Это уже была не орда, а слизь, грязь и жижа, растекшаяся по подворотням, трусливо ожидающая расправы за содеянную мерзость и измену Земле Русской. Но не было расправы. Не мстили. Ибо Русские! Ибо хозяева России!

Я забрался на пожарную, разбитую вдреизг машину. Посмотрел назад — туда, откуда мы пришли. Сотни тысяч людей медленно, невообразимо медленно, хотя и бежали они, кто как мог, подтягивались по кольцу — на километры растянулась колонна — Россия, Народ, неисчислимый, могучий. И я представил, что испытывают сейчас забившиеся по щелям каратели — одни растерянные и плачущие, размазывающие кровавые слёзы по щекам, другие озлобленные и ненавидящие. Или у них нет глаз? Или они не поняли, кому пытались преградить путь.

Море, огромное людское море... уже тогда, ещё до завершения событий было ясно — кто бы ни победил, что бы ни произошло в дальнейшем, но из Истории уже не вычеркнешь этого святого и ярого, великого дня Народного Восстания против иноземщины, убивающей Россию. Сами Небесные Силы вели на Святой подвиг людей Русских.

А площадь под моими ногами бурлила. Я не мог слезть, я не мог спуститься, потому что снизу лезли и на эту машину и на другие разбитые «колесницы режима» — все хотели увидеть всё, это было незабываемое зрелище: орды палачей, столько дней и ночей кряду люто избивавших людей, зверствовавших похлеще фашистских зондеркоманд, недавно до сатанинской гордыни уверенных в своей силе и безнаказанности, бежали трусливыми крысами!

Спины, спины, спины — десятки тысяч форменных, сгорбленных спин. Труссы! Мерзавцы!! Подонки!!! Теперь они были ничем. Их уже и ругать-то было нельзя, ибо заблудшие. Что они вынесут из их сражений с Народом в жизнь дальнейшую: покаяние, вину? или ожесточённость и злобу?! Что вынесут, то и свершит их судьбу. Раскаявшиеся прощены будут и встанут в ряды братьев. Озлобленные и ненавидящие обрящут иудины петли. Всем воздаётся по делам их. Всем!

Рядом со мной, наверху, над площадью стояли и герои. С чёрными, запылёнными и воспаленными лицами, окровавленные, разодранные, усталые, но уже победившие! Уже — потому что от них, от первых двух сотен подлинно Русских людей, сломленный их Силой, их Духом бежал враг.

Позже много болтали телевизионные и га-

зетные хриstopродавцы о «бандитах», «боевиках», «дикой, пьяной, озверевшей красно-коричневой толпе наркоманов и сумасшедших». Лгут мерзавцы! В тот день я был везде, я не жалел ног, я был в самой гуще — ни одного пьяного не было среди восставших — подчёркиваю и готов свидетельствовать перед любыми судами — не было! Громили только автомобили карателей, автобусы, на которых привезли палачей народа. Этими машинами пытались нас давить, убивать. С них стреляли, с них поливали отравой. Их и крушили.

Но ни одного упавшего омовца ни рукой, ни ногой не тронули, поднимали, заботливо отряхивали и говорили: «Иди себе с Богом!» Эти две передовые сотни были и есть настоящие русские витязи, богатыри. И я верю, что придёт время, когда их имена будут высечены в мраморе и золоте, когда по всему пути Героического Прорыва встанут памятные знаки, а стены домов, наблюдавших славные победы Русских, будут украшены величественными барельефами.

Именно эти две сотни есть цвет Нации, её элита. Это они, поддерживаемые полумиллионным народным валом, принесли ключи победы «белодомовским» сидельцам. Они! Но ни один из памятников, ни один из барельефов не сможет запечатлеть того, что видел я: горящие неземным, праведным огнём лица, кровавые раны, рассеченные лбы, щёки, подбородки, разбитые губы... налипшие сверху гарь, пыль, чернота. Святые лица!

Точно такие были у богатырей Дмитрия Донского, когда они сломили Орду, обратили её в бегство, и у ратников Минина и Пожарского, пробивших все оцепления и кордоны вражьей силы, изгнавших иноземных карателей из Москвы, и у чудо-богатырей Суворова, защищавших Россию, и у гренадёров, выстоявших на Бородинском поле, и у наших отцов и дедов, не сдавших ордам «мирового сообщества» Москву в 1941 году — лица измученные, усталые, грязные, чёрные, окровавленные, но самые благородные и самые красивые. Святые лица защитников и воинов Святой Руси! Слава вам, герои Отечества! Слава вечная — отныне и присно, и во веки веков! Русский народ не забудет вашего подвига!

Я спрыгнул вниз, на усеянную битым стеклом, залитую чернотой мостовую, когда вновь собравшиеся в крепкие рады передовые отряды тяжёлой и могучей поступью побежали к пресловутому Калининскому мосту. А Смоленскую залило людское море. Десятки, сотни тысяч ветеранов, женщин, мужчин, тех, кто не мог бежать так долго и так быстро, но и не мог не бежать, не идти. Народ ликовав. Это был праздник!

Народ осознавал свою силу — полчища карателей не смогли сдержать его напора. Это была победа!

Надо было видеть счастливые, одухотворенные лица Народа-победителя — ни злобы, ни ненависти, а только лишь радость и ликование, и полуутвердительный вопрос почти в каждом просветлённом глазу: «Неужто свершилось! Неужто махина колониального, иноземного угнетения начинает трещать, давать сбой? Будь она проклята!» Проклятое чужеземное иго! Неужто пришло тебе время сгинуть, поганому и подлому! И восстанет Россия! И перестанут вымирать люди Русские! Ликование! Праздник! Поздравления! Песни!

Но я не мог там оставаться, я не мог идти с этими счастливыми и ликующими людьми. Мне надо было всё видеть. И я побежал вперёд. Путь был проделан немалый, да ещё в отраве газовых атак, сердце билось загнанно, ноги не слушались, лёгкие кололо и давило. Но я бежал, зная, что ещё немного, ещё последний бросок, последний натиск — и мы пробьёмся к Дому Советов. Там должно произойти главное, оттуда несутся выкрики и угрозы. Я бежал во всю прыть. И всё же я не успел.

Штурм последнего бастиона начался без меня. Рванул вперёд захваченный грузовик — я видел его издали, пошли грудью на щиты, на оцепления карателей и спираль Бруно русские герои. Крики, шум, хруст, удары, вой и гром двигателей... Я рвался вперёд. И вместе со мной бежали тысячи мужчин и женщин, детей, подростков, всего несколько сотен метров отделяли нас от побоища, и нужна была подмога, ведь именно там, в кольце у «белого дома» была сосредоточена вся мощь полицейско-армейских дивизий, защищавших режим.

Оставалось совсем немного, совсем чуть-чуть... мы подбегали к мэрии, к этому уродливому трёхстворчатому зданию бывшего СЭВ. И я видел сотни белых щитов, сотни касок за парапетами, видел и стволы. Но разве мог я ожидать, что именно сейчас... Когда мы поравнялись с мэрией, ударили первые очереди. Я даже не понял, откуда стреляют, зачем — может, лупят в воздух?! Нет, не в воздух — отчаянно и страшно закричала совсем рядом женщина, как-то сломалась нелепо и упала. И тут заорали уже многие, кто-то рухнул нам остовую, закрывая голову руками, кто-то бросился ещё быстрее вперёд. Вопли, крики, ужас!

Это было по-настоящему страшно. А я все почему-то не мог поверить, что стреляют боевыми патронами! Стреляют в народ! Первая мысль — резиновыми пулями. Но почти сразу, метрах в

трёх, рядом с двумя парнишечками лет по одиннадцатый стальным градом застучало по мостовой. Точно так же сзади. И тогда я увидел — стреляли из-за щитов, от мэрии. А не с верхних этажей, как писали.

Первые очереди били из-за заслона, сверху стали палить позже. Да, потом я понял — это был приказ, надо было отделить головную колонну, пробивавшую последний заслон, надо было отрезать тех, кто бежал на подмогу, истекавшим кровью, бесстрашным передовым бойцам. И всё же цинизм, подлость, тех мерзавцев, что отдали приказ открыть огонь по народу, ошеломили.

Стреляли густо, беспощадно, профессионально. Стреляли по мужчинам, женщинам, подросткам, пенсионерам, ветеранам Великой Отечественной — да, эти подонки, эта мразь поганая убивала своих дедов и отцов, матерей. Теперь стальной град бил по мостовой, по стенам близлежащего дома безостановочно... бил и вяз в живой плоти.

Раздумывать было некогда, всё происходило в считанные минуты. По старой пехотной ещё, четвертьвековой давности привычке, опрометью бросился я к бровке, за ней, за корявым, полуразмытым тротуаром чернел овраг, только там можно было укрыться. На пути сбил с ног одного из парнишек, прикрикнул, чтоб бежал вслед.

Овраг зиял у стены жилого здания, напротив мэрии. И в нём уже битком было набито. Многие бежали вниз, во дворы, чтобы обойти кругом, прорваться — там стояли заслоны краснощёких мордворотов со щитами, дубинами и автоматами. Они гнали обратно, под пули, на смерть. Я высунул голову. Очередная очередь ударила в жёлтую кирпичную стену, вышибла осколки, пули отрекошетили... Но два мальчика словно с ума сошли, ползали на животах и собирали пули. Я закричал на них. И оба неохотно, поползли к нам, в овраг.

— А ну, показывайте! Давай-ка сюда! — прикрикнул я. Наверное, слишком резко. Надо было помягче.

На ладонях у мальчишек лежали свинцовые сплюснутые от ударов пули. Настоящие. Боевые. От раздражения и злости меня чуть не вывернуло. До последнего мига хотелось верить, что стреляют ненастоящими, резиновыми. Сволочи! Убийцы! Палачи! Если бы у меня в те минуты оказалось в руках оружие, я бы, не раздумывая, открыл бы огонь по этим нелюдям. Таких нельзя прощать. Им могли отдавать какие угодно приказы, падающий режим готов на любые народные жертвы, но исполнять их — убивать лю-

дей, своих, русских?! Безнаказанно и подло!

Придёт время и люди узнают об этом расстреле безоружного народа у стен мэрии. Правда всплывёт, как бы ни пытались замолчать, утаить факт этой кровавой, зверской, сатанинской бойни. Что же за мразь выросла такая за годы «перестройки», что же за подлецы и изверги?! Уже все знали, что охранники-каратели получали от режима оплату по особому расчёту, в долларах. Но неужели за горсть иудиных серебрянников можно пойти на эдакое. И не один, не десять, там были сотни убийц.

Я не знал, что происходило в те минуты в самом «белом доме». Я метался, ища выхода из этих оврагов, строек, дворов, вырывался наверх и снова попадал под пули. На мостовой лежали тела. Но недолго. Люди, хотя и напуганные, мертвенно белые, но вытаскивали раненных и убитых из зоны обстрела, за деревья, за кусты, в укрытия.

И только позже, когда бойня начала затихать, наверное, там, в «белом» решились — я услышал оттуда несколько выстрелов. Какие-то парни бежали в открытую, паля на ходу. Их было совсем немного, по пальцам перечесть, может, я не всех видел, но это был бросок отважных и смелых Русских на толпу трусливых и подлых убийц. Именно толпу, даже не банду, потому что убегали палачи в броне и касках резвее трусливых зайцев и гнусных крыс. Это было позорище, гнусь и мерзость.

Они как и на Смоленской, ещё пакостней, давили друг дружку, это они в ужасе перед справедливым возмездием проломали жалюзи на первом этаже мэрии, выбили стёкла... и бежали, падали, спотыкались и бежали, бежали, бежали... Я бросился к мэрии. Но вновь две очереди полосанули по мостовой. Неужто кто-то из этих палачей прикрывал отход своих подельчиков?! Я не знал. В мэрию уже врывались люди... кто-то лежал в крови, огромные лужи бензина расплзались по бетону.

Я в какой-то нелепой наивности бегал, ища, где же будут раздавать оружие. Ведь надо было немедленно разоружать карателей, передавать автоматы, пулемёты тем, кто умеет ими владеть. Нет, всё напрасно. В какой-то нелепой суете кружил народ, ликовал, смеялся... и выводили из мэрии карателей-палачей, выводили под охраной, не дай Бог, кто пальчиком тронет, сияло не осеннее, а весеннее, ярое солнце. Победа! Это было ощущение сладостной и полной победы!

Омоновцы и спецназовцы разбежались трусливыми крысами. Дзержинцы уходили сами, спокойно, с достоинством. Их провожали радостными криками, им аплодировали, называли мо-

лодцами, героями, играла гармошка, выводили испуганного и пригнувшегося в ожидании побоев Брагинского, других, выносили ключи от мэрии, что-то говорили с балкона... а я не находил себе места.

Я хотел кричать: «Зачем вы их отпускаете, этих палачей?!» Но не мог. Это была Победа! И это было началом поражения. Убийц нельзя было отпускать. Только что они расстреливали перед мэрией народ. Законная власть не имела права отпускать преступников-палачей. А их отпускали. Море народа ликовало на площади, повсюду. Победа! За считанные минуты всё пространство, насколько хватало глаз очистилось от щитов и касок карателей-охранников. Были какие-то крики про Кремль и прочее. Но уже нигде — после краткого появления на балконах — не было видно Руцкого, Хасбулатова, прочих... только Альберт Иванович Макашов ходил, спешил, говорил что-то... но ни оружия не раздавали, ни спешили вершить справедливый суд.

Расстроенный и одновременно счастливый, ещё не верящий в свершившееся, я сел на паркет, из-за которого не так давно меня расстреливали. Я ликовал вместе со всеми сотнями тысяч Русских людей, окружающими освобождённый Дом Советов, освобождённую мэрию. Неужто конец колониальному игу? Конец! Никто после этого разгрома не пойдёт защищать режим. Никто! И одновременно у меня чёрным обручем сжимало сердце.

Они опять уходят. Они опять прячутся от людей. Где они, чёрт возьми?! Им на ладонях принесли Победу. Где они?! Будто в те мрачные, холодные и колючие дни под чёрными облаками меня терзали тревоги. Сейчас всё должно решиться. Колониальная администрация парализована, обезволена, небось, уже собирает чемоданы. Надо не упускать Победы из рук. Если бы у режима вот сейчас, именно сейчас были бы хоть какие-то верные ему силы, он бы немедленно, однозначно, спасая себя, бросил бы все (!!!) эти силы на восставших.

Если он не делает этого — всё, он уже проиграл только никакой, ни малейшей передышки. Где Руцкой?! Где Руслан?! Где все! Нет, нас тут не ждали, спокойней было сидеть и высиживать нечто «конституционное». И они растерялись. Они были в столь же страшной растерянности, что и колониальная администрация. И это трагедия. Позже, просматривая записи выступления с балкона «белого дома», я убедился — так и было!

Народ восстал. Народ сокрушил все заслоны режима. Но Он, принеся Победу одним и ненеся поражение другим (на один всего-то день),

полностью поверг и тех и других. И не было никаких ловушек. Их придумали кабинетные умники, всегда пытающиеся выглядеть умнее и дальновиднее (глубжевиднее) других. Их выдумали шустрые и лживые, бессовестные борзописцы, их выдумали уже задним числом сами функционеры режима, чтобы показать, что они не труслили и растерялись, а, дескать, очень мудро и хитроумно продумали на сто ходов вперёд всё повсюду и заманили «бунтовщиков» в свои ловушки. Они за это ещё и награды получили, хотя настоящему Ельцину их за трусость и панику надо было лишить всех чинов, званий, привилегий. Но они наплели с три короба. И все остались всем довольны.

Не было ловушек. Верьте этому, я видел всё своими глазами и перед Богом скажу то же самое. Не было. Была ложь. Но это позже. А тогда царил растерянность. И я это видел. И я готов уже был бросить всё и, скрипя зубами, скрепив сердце, идти домой, к больной матери, к жене. Я знал, что предательство не всегда совершается самим предательством, **предательство часто творится бездействием.**

В тебя поверили, тебе отдали в распоряжение свои жизни, души, а ты не предал, не выдал врагу, нет, ты просто промолчал, ушёл в тень, отсиделся где-то... и всё случилось, не вернешь. Очень рад я был в тот час. И невероятно расстроен. Да, так бывает. Внизу генерал Тарасов, он же депутат, увещевал людей. И шагали от Дома Советов brave казаки и парни в камуфляже к грузовикам и газикам — машин-то было навалом, многие остались вместе с водителями, перешли на сторону народа, только ждали команды — шли, садились, со знаменами уезжали в Останкино, почти безоружные — на сорок человек один ствол. С ними Макашов.

Я сунулся к машинам. Но там все было отмерено и отвешено, лишних не брали, наверное, правильно. Но почему Макашов?! Значит, те двое, что остались, Должны вершить нечто более важное. Иначе быть не может. Я успокаивал сам себя, уверяя, что Руцкой имеет свой план, продуманный, чёткий, что даже если нет у него плана, он как боевой генерал будет сейчас делать то, что ему надо делать, ведь это он сказал: «Я навсегда с моим народом! Я не уйду отсюда живым!» Какие же ещё сомнения!

Я сам себя уговорил. И быстро пошёл вниз, к Тарасову. Кому-то надо и не на лихом коне, кому-то надо и черновую работу делать. Внизу обсуждали — куда идти: на Останкино или на Шаболовку. Тарасова окружали уже тысячи людей. Они жаждали действий и не понимали — почему их не берут в расчёт, ведь это они прорвали

страшную блокаду, они принесли Победу. А в грузовики посадили только тех, что сидели в «белом доме». Но обижаться было не время, хотя и были обиды, чего там скрывать.

Я пробился к Тарасову и сходу заявил:

— Нечего распылять силы! Надо помогать Макашову, идти в Останкино!

Меня поддержали. Поддержали те, кто пробивал оцепления — я поглядел по сторонам: да, те самые лица, усталые, грязные, в крови и саже, щиты, дубинки, изодранные руки, разорванная одежда. Они!

— Нужны машины! — закричал я в ухо Тарасову. — Поехало очень мало. Макашов не президент, его могут и не пустить внутрь. Поддержка нужна.

— Ну вот и решили все вместе, — после раздумий ответил генерал. — Пойдём в Останкино. Но пойдём пешим ходом — всех не усадишь, вон народу сколько, десятки тысяч!

Пошли пешком. Это шествие должно было состояться. Это было свидетельство Народной мощи и силы. Мы вышли на Садовое — несчитанные тысячи. Москву невозможно было узнать. Ещё час назад она вся была скована кошмарными кольцами оцеплений — каски, шинели, бушлаты, щиты, зелёная защитная окраска повсюду, машины, стволы, стволы, стволы... Будто вражья орда пришла из чужих страшных стран, оккупировала столицу, задавила своей звериной тяжестью — мрак, ужас, гнетущая тёмная сила.

И вдруг — чисто, свободно, пусто под сияющими, яркими Божьими Небесами. Бездонное небо и ослепительное солнце. Это было Знамение всем нам от самого Господа. Он был с нами. Он был на нашей стороне... мы сами отвернулись от Него. Но это потом. А тогда мы шли огромными колоннами, рядами по очищенной от оккупационно-колониальных войск Москве. И душа рвалась ввысь.

— Народ победил! — Народ победил!! — Народ победил!!! — скандировали тысячи глоток.

И было ощущение полной и окончательной Победы! От Смоленской уже шли на слияние с нами новые десятки и десятки тысяч русских людей. Тарасов вышагивал вперёд, посреди шеренг. Я шёл по левую руку от него и поражался чистоте Москвы. Движение было остановлено. Прохождение на тротуарах останавливались, махали нам руками, приветствовали, улыбались, многие присоединялись.

Шли быстро, слаженно, уверенно, во всю ширину огромных улиц. Когда двое парней бросились вдруг с криками к какому-то киоску, со-

бираясь содрать с него иноземную вывеску, их — тут же подхватили под руки, оттащили. Никаких погромов, ни малейших! — Закон и порядок! Закон и порядок!! — начали выкрикивать мы. У американского посольства остановились. — Янки вон! Янки вон из России!!!

Я кричал громче всех, мне было ненавистно присутствие этих колониальных властей, я знал, что они подлинные хозяева колониальной администрации, под их дудку пляшут «народно-избранные». Вон! Вон, вражья поганая сила! Навсегда, чтобы духу вашего здесь не было! Это вы, враги рода человеческого, финансировали все «русские» революции, разрушившие Россию, все «перестройки», это вы убийцы, а «пятая колонна» — только инструмент в ваших руках. Вон!

Я ещё не знал, что там уже давно создан центр по подавлению Народного восстания, что там всё продумано и взвешено, что именно оттуда будут управлять завтрашними расстрелами, казнями. Откуда я мог это знать! Колониальная администрация впала в маразм со страху. И потому резидентура правящих заокеанских спецслужб брала бразды правления в свои руки, напрямую. Можно было догадаться об этом. Но я не догадался.

Мы прошли мимо паучьего гнезда. Но ненависть к поработителям России все же вылилась — со всех заборов люди начали сбивать рекламу американских сигарет: «Лаки страйк — это настоящая Америка» и прочие. Нам не нужна «настоящая Америка», пусть катятся к себе! Янки вон из России! Вы разорили и погубили половину мира! Вы подло наживались на наших смертях во второй мировой, прячась за нашими спинами, убивая нас по сути дела, сдирая «по лендлизу» с нас подлинными богатствами не три, а триста тридцать три шкуры и до сих пор цинично требуя выплаты долгов. Подлость и гнусь!

Это вы развязали кровавые боины по всему свету, по всей нашей стране! Это вы стравили Армению и Азербайджан, Абхазию и Грузию, это ваши резиденты, всякие шеварнадзы, разрушают все и повсюду. Это вы убиваете Югославию, убиваете Православие по всему миру, по всей Европе. Вон из России!

Кто знал, что Руцкой ведёт переговоры с американским посольством, что он жаждет получить «ярлык из ханских рук». И я не знал тогда этого. Я знал одно, нелепые мифы, что мы погибнем без «мирового сообщества» и Штатов, что они нас выручат и спасут — это дезинформация, которая с сатанинской силой вбивается в наши головы спецслужбами и «пятой колонной».

Америка, точнее, госаппарат и спецслуж-

бы, Пентагон и ЦРУ — наши лютые враги, убивающие нас. И не надо быть наивными олухами! «Мировое сообщество»! Гуманизм! Общечеловеческие ценности! И свыше миллиона русских смертей в год! Разруха! Расчленение! Разграбление! Колонизация! Янки вон из России! Если вы не уйдёте сейчас, мы вас выбьем позже! Никакое иго не может быть вечным! Ваша орда на Руси не простоит трёхсот лет! И чем дольше вы задержитесь здесь, тем страшнее для вас будет ваше поражение, ибо рано или поздно придут не руки и хасбулатовы, а Русские люди. Им ваш поганый ордынский ярлык на княжение не нужен. Вон из России!

Я ещё не знал, что назавтра они будут нашу российскую Трагедию транслировать на весь мир как шоу и визжать похотливо: «Мало крови русских! Мы поддерживаем демократию! Лей крови русских побольше! Поддерживаем!» Враг — он и есть враг. Он никогда не станет другом. Убийцы есть убийцы. Янки вон из России!

Мы шли в Останкино. И было ощущение полной Победы. Народный вал был неостановим. Не было сил, которые попытались бы его остановить. И всё же тревоги мучили меня. Медленно идём. Опоздание может быть роковым. Или генерал Макашов уже пробился в телецентр, уже обратился к народу, передал послание Руцкого? Должно быть так, только так. А вдруг нет? — Народ победил! Народ победил!! Эти слова звучали безо всяких мегафонов чётко, едино и громкоподобно.

Я очень жалел, что во время шествия только один какой-то бесстрашный оператор вёл съёмки, остальные, почуяв силу народную и отсутствие охранки режима, сникли и пропали. Когда-нибудь люди должны будут увидеть это шествие — величественнее его ничего не было и нет. Не только прорыв и битвы, сражения и побоища. Но именно шествие победившего многотысячного Народа по освобождённому городу, по столице России.

Миллионы россиян по всем городам и весям не знают правды о тех днях, абсолютно ничего не знают. Телевидение, радио, пресса изогались, оклеветали всё, создали гнусный образ «боевиков- бандитов». Кучка совершенно чужих и чуждых нам людишек, владеющая всеми средствами массовой пропаганды, лишила правды всю Россию. Но те, кто желает знать правду, должны будут увидеть это величавое, грандиозное, могучее шествие Великого Народа-Победителя, Народа-Хозяина. Не боевики и бандиты. А Хозяева!

В те часы вся мразь, все крысы сидели в Москве по щелям и тряслись от жуткого ужаса,

они ждали мщения. Этот ужас и прорывался в их истерических визгах на ТВ, когда они требовали от властей: «Раздавите гадину!» Нет, не гадина, мерзавцы и подонки. Народ! А гадину и впрямь надо раздавить. И у гадины этой есть имя — «пятая колонна», ненавистники России, агентура спецслужб «мирового сообщества». Гадина таилась в тот день по щелям, гадила под себя со страху. А Народ величаво шёл по улицам и площадям. Вы увидите это когда-нибудь. И вы поверите мне. Вы всё поймёте.

Только Великий народ мог так шествовать. И на лицах людских в шествии этом не было злобы и жажды мщения, присущих инородным завсегдатаям «голубого экрана». На лицах людей были улыбки и радость, доброта красила эти светлые и чистые русские лица. В районе Сухарёвской было решено останавливать машины. Темнело. И надо было спешить. Колонны продолжали своё шествие, они и должны были прийти к телецентру во всей своей мощи и красе. Но кому-то нужно было и поторопиться.

Я запрыгнул в остановленный автобус, на котором ранее перевозили омовцев-карателей. Водителем в нём был солдат, перешедший на сторону народа. И столько нас понабилося внутри, что и не пошевелиться. Через несколько минут хода мы остановились — выдохся автобус, не осилил выпавших за сегодняшний день на его долю испытаний. Но почти сразу удалось затормозить огромный военный «Урал».

Я впрыгнул в кабину. Ещё двое следом за мной. Остальные, человек сорок набились в кузов под тент. И мы рванули. Правил движения не существовало. Из какого-то разорванного при побоищах красного стяга уцелел лоскут. И я размахивал этим лоскутом из окна кабины «Урала», тормозя движение — нас пропускали, никто не пытался остановить грузовик. Следом шли ещё два или три таких же.

Один обогнал нас. Надо было успеть. Нам всем казалось, что наша помощь очень нужна там, что время уходит. Мы ворвались на аллею, не снижая скорости. Замерли перед телецентром. Я выскочил из кабины прямо перед десятью или пятнадцатью операторами с их камерами. Они выжидали чего-то. И я сразу сказал, что народ победил, что сюда, к телецентру, идёт полумиллионное шествие, что теперь уже никто, ни антирусская клика, владеющая ТВ, ни милиция, ни «мировое сообщество» не посмеют запретить народу высказывать свою Правду по телевидению.

Я был слишком наивен, расстрелы ничему не научили меня. Но я уже через минуту понял, что в Останкине творится что-то не то. Всё оцепенело здесь, хотя и множество людей стояло. Я

вбежал за изгородь, поднялся по ступеням к входу внутрь... увидел Макашова. Его не пускали в телецентр. Это было страшным ударом для меня.

Потеряно столько времени. Они уехали почти три часа назад. И они толкуются у входа, не смея войти внутрь?! А зачем тогда были все жертвы?! Зачем был нужен Героический прорыв от Калужской до Дома Советов?! Всё погублено! Где же выход, в чём? На ступенях с озабоченным лицом стоял Станислав Куняев, не было в нем радости. По двору туда-сюда в своём чёрненьком коротеньком пальтишке с мешком за спиной разгуливал Лимонов. А бегающий за ним парнишка всё просил: «Эдвард, пойдём отсюда. Можно влипнуть, уходим, давай!»

Суетились люди. Пытались собраться казаки. Сотни камер, фотоаппаратов. Вспышки. Ожидание. Чуть дальше, левее стояли четыре БТРа. Я подошёл к одному из охранников Макашова в камуфляже. Спросил, с кем броневики. Он ответил: — Посылали к ним людей, говорят, будут хранить нейтралитет, не станут по народу стрелять. — Почему не выдают оружие? — спросил я. — Всё нормально, — ответил охранник. И заспешил к Макашову.

Да, я понял, что скоро всё будет «нормальное». По-моему, все уже понимали это. На сердце стало совсем нехорошо. Но я решил не уходить до развязки. Сквозь толстые стёкла заглянул в вестибюль телецентра — там развалились «витязи». Большинство отдыхало, человек восемь стояли у стёкол с автоматами наизготовку, ещё столько же лежало на полу, направив стволы прямо на безоружных. Их практически не было видно. Но они видели всё.

Я заметил одного знакомого фотокорреспондента. Он махнул рукой, подошёл. И сказал прямо: — Тут скоро будет хреново. Надо уматывать. Видишь, этот уже пошёл! — Ткнул пальцем в удаляющегося Лимонова. — Плевать, — перебил я. — Скажи, когда пришёл спецназ? — Да только что. Не видал, что ли, на бэтэрах подкатили.

И на самом деле, подходили какие-то БТРы. Из толпы даже кричали, что это нам на подмогу пришли. Радовались. Всё внутри у меня начинало переворачиваться. Неожиданная злоба на Макашова накатила волной. Он стоял на ступенях у входа и часто повторял: — Товарищи, спокойно, будем стоять хоть до утра, они не посмеют нас не впустить. Скоро подойдут колонны демонстрантов. Мы ведём переговоры... Спокойно.

С кем он вёл переговоры! С «витязями»? С ними бесполезно вести переговоры, у них приказ. Что ж вы тут делали битых три часа? У меня

снова перед глазами прокрутился тот блистательный, неостановимый бросок, тот героический прорыв, окровавленные лица, разбитые руки, горящие праведные огнём глаза. Ради чего?! Сердце билось о рёбра с болезненной силой. Всё кончено. Они загубили всё! Им принесли на руках победу... а они думали о другом, о том, что будет, ежели они проиграют, они боялись принимать решения, все ждали, что само собой случится! Один раз им принёс «ключи свободы» Народ. Значит, и ещё раз всё само собой произойдёт. Они выжидали.

Это было невыносимо. Я знал, что так будет. Ещё там, на продуваемом злыми ветрами мосту, я знал! Но я не хотел верить, я надеялся. Теперь меня словно ушатом ледяной воды окатило. Никто из них, сидельцев высокого ранга, никто не хотел ничего брать на себя. И это был провал. Я уже знал, что второй раз народ не подымет. Народ не любит таких игр.

Я вышел за ограду телецентра. На полдороге к техническому зданию строились казаки. Половина была совсем салагами, и не казаками даже, а мальчишками-подростками, из тех, что участвовали в прорыве. Их собирались куда-то выставить для охраны. Тогда я увидел Анпилова. Он только появился у телецентра. Со своим извечным мегафоном, окружённый соратниками. Он будто вторил Макашову: «Не поддаваться на провокации! Будем стоять всю ночь, до утра! Спокойно! Никаких резких перемещений, местность простреливается. Но они не посмеют. Спокойно. Не поддавайтесь на провокации!»

Анпилов был спокоен и тих. Он не походил близко к опасным местам, периодически возвращаясь к рощице. Позже телевизионные и газетные лжецы изобразят из Анпилова кошмарного погромщика, стихийного бунтаря, непосредственно руководившего прорывом к Дому Советов и штурмом Останкина. Но это всё враньё. Анпилов не участвовал в героическом прорыве. Его там не было.

Уже на следующий день я узнал от своей дорогой и любимой Нины Ивановны, что Анпилов появился на Калужской, то бишь, Октябрьской, часа через полтора после моего ухода с колоннами. Нина не поехала домой, как мы с ней договорились, не смогла, она долго бродила по площади и вокруг, там собралось после ухода полумиллионного авангарда ещё множество людей, митинговали, шумели, спорили, она слушала, сама встревала. А потом появился опоздавший Анпилов с мегафоном, долго говорил, призывал к спокойствию. И он, и многие из окружавших его ушли, прямо в Останкино. Так что перед возможным судилищем демократов Анпилов с

юридической точки зрения оказывался абсолютно чист, так же как и Хасбулатов, Руцкой, Ачалов...

Странная получалась картина и непонятная. А тем временем стемнело. С каждой минутой штурм становился всё более нереальным. И сидевшие внутри «защитники» это понимали, они уже диктовали, требовали: — Всем выйти за ограду! Всем выйти за ограду!

Люди находились в страшном напряжении. Все понимали, что может повториться трагедия, что была возле мэрии, только в больших масштабах. Но уходить нельзя. Я метался меж самим телецентром и техническим зданием, куда постепенно стекался народ. Видел, как спешно собираются и обсуждают что-то казаки. Копошение, суета. Растерянность. Кто-то вдруг завопил: — Подмога пришла. Ура-а!!! Я сначала увидел меж далёких стволов далёкие мерцающие огоньки, только потом заметил колонну БТРов и услышал грохот движков.

— Наши! Наши!!! — радовались люди. Многие бросились навстречу. — Ура-а! От Белого Дома прислали! Ура-а-а!!!! Я молчал. Я уже знал, что это не наши. Что это подкрепления карателей. И всё равно, это не было, ловушкой. Всё вранье. Макашову было дано время — целых три-четыре часа он имел в своём распоряжении. У него не хватило силы воли. Значит, по всем законам подобных ситуаций, почуяв, что противник даёт слабину, силу воли начинали обретать функционеры режима. И это уже всё!

— Не наши, — тихо сказал кто-то. — Провокатор! — завопили на него. — Провокатор!! — Это не наши, — сказал я, но громче. И обернулся назад, теперь меня интересовало, что будут делать четыре БТРа, которые якобы хранили нейтралитет и не собирались стрелять в народ. Те стояли глухо, молча, только стволы пулемётов изменили направление, значит, башни были повернуты, пока я не смотрел на них. Анпиловцы тихо, без паники отходили в рожищу. К техзданию подкатил грузовик.

Освещённый, почти горящий вестибюль словно сам напрашивался — разбей меня. И всё же я не верил, что начнётся. Теперь никакой штурм не мог помочь. Только молниеносный, профессиональный бросок в студии, на прямой выход в эфир, и то маловероятно, в случае удачи прорыва, отключат передающие системы телебашни, её контролирует охрана режима. Всё кончено.

Грузовик ударил в двери. Откатил. Несколько выстрелов сверху ударили неожиданно. Кто-то закричал. Ещё выстрел. Попадания. Крики. И тогда сильно, зверски ухнул грана-

томёт, даже уши заложило. И я понял — будут прорываться. Бегство Макашова и казаков было стремительным — легковушка, грузовик, крики. И всё. Но штурм уже шёл. Нападавшие прорывались внутрь, в них палили сверху.

Я стоял в шести метрах и боялся шелохнуться — любое движение, могло накликать пулю. Но это было ещё не страшно, стреляли из одного окна, с одной стороны. Нападавшие прорывались внутрь — они были обречены на простреливаемом месте, они не штурмовали телецентр и техздание, они прорывались в последнее для того, чтобы укрыться, иначе смерть. И вот тут началось страшное: пули завизжали со всех сторон — спереди, сзади, сбоку.

Я ничего не понимал. Это был ад. От тех, первых выстрелов мне легко было укрыться, я видел траектории пуль, вовремя заскочил за столб. Но теперь пули летели мне в спину, летели сверху, с этажей телецентра. Уже визжали, орали, катались по земле раненные, мёртво застыли убитые. Пошады не было. И быть не могло. Я понял, что палачи будут косить всех. События растянуты в изложении, на бумаге, но там все происходило в секунды. И снова меня выручила старая выучка, не даром два года гоняли до полусмерти в марш-бросках, на тактике, на учениях.

Я кубарем полетел на асфальт, не жалея ни своей кожаной куртки, ни рёбер, ни локтей, раз десять перевернулся с разгону, не потеряв инерции, выполз за какой-то крохотный парапёт, потом уже на полусогнутых рванул за грузовик, он ещё стоял, я успел укрыться, но он дёрнулся — это уезжала ещё группа казаков. За столб! И снова на асфальт!

Пули бились о его поверхность, отскакивали. А я полз в темноту, выполз, стал приподниматься... и тут почти в упор, над самой головой моей ударили из пулемётов эти проклятые «нейтральные» БТРы. Я думал, всё, это конец, повалился снова наземь, закрыл голову руками. Позади грохотало, гремело, трещали очереди, сливаясь одна с другой. Извернувшись, я пытался рассмотреть, что творится перед входом в техздание — конечно, там никого не было, валялось несколько трупов, изувеченных, многократно простреленных со всех сторон, значит, «боевикам» удалось прорваться внутрь. Слава Богу! Слава этим героям! Они в укрытии. Кто-то из них уже убит.

Убито много безоружных, но всё равно, ещё могут прислать подмогу из «белого дома» и остановить эту бойню. Стреляли теперь не с нижних этажей, где укрывались «боевики», пальба шла с верхних — это отводили душу

«витязи», безумный треск стоял, лупили для эффекта трассирующими, всё черное небо прошивалось с обеих сторон десятками очередей. И тут ещё проклятые БТРы начали разезжать по аллее и лупить из пулемётов, куда глаза глядят, добивая раненных, кося бегущих, во тьму рощицы.

Я ещё не знал, что именно в рощице укрылось большинство из безоружных, я никак не мог выползти из зоны обстрела, потому что лупили со всех сторон — чёрт его знает, какая пуля прошьёт: в лоб, в затылок, в висок. Охранники-каратели засели повсюду. Они никого не жалели, они знали — все свои заняли позиции, перемещаться не будут, бить надо по движущимся целям, не ошибешься. И они били с какой-то садистской жестокостью, зверством.

«Нейтральные» БТРы палили из-за моей спины. Но теперь они не могли меня зацепить. Я был слишком близко к ним, под прикрытием балок. Но снова какой-то несчастный, лежавший метрах в шести от меня, вскочил, завопил: «Наши! Подмога!» И рухнул простреленный неведь откуда. Нет, все броневики были не наши. И лупили со всех сторон не наши.

Пальбу во все время «боя», а точнее, расстрела безоружных, вели «витязи» и прочие каратели. Никто и ничто не угрожало им. Засевшие внизу, на первом этаже техцентра «боевики» — человек семь-восемь, не отвечали на их выстрелы. Я был неподалёку и потому многое видел в этом крошечном аду. Мне даже показалось, что выскользнули две или три тени, умело, профессионально вышли из зоны, скрылись в рощице. Я не знал, они ли, нет.

Пальба стояла безумная. Какая-то «скорая» сдуру пронеслась по аллее. «Витязи» и БТРы чуть не разнесли её в щепки. Да, теперь я не сомневался. Боя никакого нет, идёт жуткий расстрел! Идёт дикий, садистский кураж! Резвятся «витязи»! Нет, не годилось им такое название, русское, не годилось. Убийцам этим больше к лицу было — какие-нибудь «рейнджеры» или что-то наподобие, недаром на рукавах у них были нашивки с английскими буквами, английскими словами.

Они и работали на «мировое сообщество». Это они крушили, разрушали здания телецентра, это от их пуль погибали случайные работники студий, именно от их, ибо «боевики» никуда не смогли проникнуть. Никуда! Все разрушения на совести «витязей». Порезвились, защитнички демократии!

Но не о них я думал, под обстрелом. Мне было страшно до жути. И одновременно мне было до слез жалко «боевиков», этих всего лишь нескольких вооруженных ребят в камуфляже и

трёх-четырёх пацанов с дубинками и щитами, подобранными во время побоища у Смоленской. Эти пацаны забились вместе с «боевиками»-героями в щели на первом этаже. И тех и других бросили на смерть, предали.

Я не представлял, что сейчас могли испытывать эти герои-смертники под пулями озверевших карателей. И я вспоминал лица тех, кто шёл к Дому Советов в ту чёрную страшную колючую непогоду. Они поверили. И эти поверили. Сейчас они умрут. А подмоги не видно. И будет ли она?! Ко мне подползли ещё пятеро или шестеро безоружных, грязных, трясущихся.

Меня поразила одна девица — тощая, в белых когда-то, модных узких штанах — она пришла просто поглазеть, она жила рядом. Теперь она рыдала безостановочно и размазывала грязь со слезами по лицу. Всем нам спасение было только в одном — в рощице, что темнела напротив, через аллею. Броневики продолжали методично курсировать, расстреливая всех лежащих, укрывающихся, прячущихся — один поворот башенки, поворот ствола, и мы снова будем как на ладони, а это верная смерть.

И я уже понял, что для сидящих по этажам зданий и сидящих в броневиках все тревоги и опасения давно закончились, теперь они вольготно и абсолютно безопасно для себя охотились на двуногую дичь — высветить, обнаружить и расстрелять. Молодецкая забава! Нет! Надо было бежать туда, за деревья, в рощу. Но как? Почти рядом, в двадцати метрах уже рванули туда минуту назад два парня, их скосили — один ещё дергался, пытался вытащить другого, цеплялся, тянул его к деревьям, подальше от света. Но второй очередью и его добились.

Шла охота. Я не знал, сколько же боезарядов выдали «витязям» — каждый расстрелял по десятку «рожков», не меньше. И всё же время от времени, через пять-шесть минут пальбы наступало краткое затишье. Раза два в такое вот затишье я пытался рвануться. Но новые очереди, стучащие по асфальту пули укладывали меня обратно. Я поражался мужеству людей, которые выскакивали то и дело из рощицы, подхватывали раненных, тянули их за деревья, а иногда и оставались там же, рядом. Кто-то стонал, кричал. Но очереди заглушали всё. Наконец, когда БТРы ушли подальше, повернувшись к нам кормой, мы врассыпную бросились через аллею.

Это был отчаянный бросок. Девица в белых брючках неслась пулей, она с лету плюхнулась под деревья, в грязь. Больше я её не видел. Очереди ударили запоздало. Но кто-то, по-моему, упал, не добежал. В этой суете и в этом аду трудно было что-то разобрать.

— Давай! Быстрее! За стволы прячьтесь!
— кричали нам люди из рощи.

— Помощь нужна? — спросил из мрака мужик. У него был бинт, ещё какие-то медицинские штучки.

— Всё нормально, — ответил я. И тут же побежал во тьму, за ствол здорового дерева.

Мне уже надоело лежать на брюхе, устал и замёрз, осень. А там можно было стоять в полный рост. Я никак не мог отдышаться. Но это уже шалили нервы. Ещё через несколько минут вернулся броневик, светанул лампой-фарой в рощицу и шарахнул длинной очередью. Я знаю, как бьёт крупнокалиберный пулемёт, сам в своё время был старшим стрелком.

Посыпались тяжёлые ветви. Кто-то вскрикнул. И словно на крик шарахнули ещё раз. А «ви-тязи» всё палили очередями со всех сторон по зданиям Останкина, резвились, крушили. Они теперь были почти не страшны нам, только с верхних этажей самого телецентра можно было бить по залёгшим в роще, но бить наугад, вслепую, во тьму. Страшнее были БТРы-убийцы. Эти косили беспощадно.

Когда глаза мои привыкли к темноте и мраку, я увидел, что в рощице лежат, сидят, пригнувшись, стоят за стволами тысячи людей. Почти никто не уходил. Я перебежками сновал между обстрелами от дерева к дереву. Анпилова не было. Ушёл. Но многие повторяли как заклинание: «Нельзя уходить до утра! Нельзя бросать ребят!» Горько плакала рядом пожилая женщина: «Бедненькие, ребятки! Что же с ними сейчас сделают эти гады! Убийцы! Сволочи! Надо же идти к ним, спасти, ну что вы стоите, мужики, ну сделайте хоть что-нибудь!»

С голыми руками идти под пули профессиональных убийц? На свет?! Люди вздыхали, многие, как и я, пытались подползти из рощи поближе, к зданию. Но очереди били в упор, из укрытий выползать было смерти подобно. Не жалели патронов защитнички «мирового сообщества». Как их потом нахваливали наши телевизионщики и «мастера искусств». Интеллигенция, превозносящая убийц, называющая их спасителями... мразь! погань! Впрочем, эти нерусские «мастера» никогда не жалели русского народа: ни в восемнадцатом, ни в тридцатых, ни в девяносто третьем. Вдохновители палачей и подстрекатели убийц — вот вам имя, интеллигентствующие холуи!

Но там, под пулями я меньше всего думал про них. Я не знал, что делать. Я не мог уйти, ведь там ещё погибали люди, если я уйду, значит, я их брошу, и я стану предателем. А люди,

сотни, тысячи людей, говорили во мраке сырости об одном: «Ещё немного! Надо продержаться! Те, что уехали, давно в «белом доме», скоро придёт подмога, не может быть, чтобы не пришла, там уже, небось, наши в Кремле, придут, выручат, не может этого быть, ведь мы же провалились, мы же освободили их, мы же победили! Обязательно придут».

Я молчал. Я не мог им сказать, что не придёт никто. Я знал точно, не придут, но я хотел надеяться, я хотел слепо верить, что придут, ведь день был такой чудесный. Божий День, за нас было всё Воинство Христово. Бог был с нами, а не с изуверами-палачами... нет, не может Он нас бросить, предать! И тут же в голове стучало: может, ещё как может Он бросить нас. Ведь мы предали самих себя. Мы не смогли удержать Победу, ниспосланную нам Им. Значит, мы и виноваты. Значит, мы не созрели, не готовы! И эта ночь уже ничего не принесёт. Всё решит завтрашнее утро.

В первом часу ночи, убедившись, что в Останкино всё кончено — кончено сотнями, если не тысячами трупов (я не верю официальным данным, они лживы, на моих глазах убивали людей, это были массовые расстрелы безоружных и подлинные цифры убитых откроются позже), убедившись в полном поражении, я через рощу начал выбираться из страшного места.

Я знал, пройдут годы и тут возведут монумент памяти жертв октябрьского расстрела, сотням, а может, и тысячам погибших. Но сейчас на этой земле праздновали победу нелюди-палачи. Время спросит с них. Каждая безвинно пролитая кровинка отольётся им, и я надеюсь, гораздо раньше, чем они за свои чёрные грехи попадут в преисподнюю. Мы выбирались группой человек в восемь. В мрачном молчании.

Пробиваться в Дом Советов? Я сразу исключил этот вариант. Мне надо было ехать к больной матери, к жене, я представлял, что они сейчас, посреди ночи испытывают, зная, что я ушёл ТУДА, и что в Останкине идёт смертная бойня. Только домой. Среди зданий мы наткнулись на машину у подъезда, и стоящего над ней в растерянности, скорби человека, и другого, пьяного, рыдающего. —

— Помощь нужна? — спросил один из нас.

— Какая, на хрен, помощь! — проговорил сквозь слёзы пьяный. — Полчаса назад звонили с телецентра, там в моей студии моего парня, моего подчинённого убили, понял? Эта сволота красно-коричневая! У-у, ублюдки! — И он зарыдал ещё пуше.

Я хотел сказать, что ни один «красно-ко-

ричевый» до студии не добрался, что его парня, как и всех прочих, убили «витязи». Но что толку говорить с ним, пропаганда! пропаганда! Ложь уже начинала чёрным ядом истекать из телецентра, радиочастот, отовсюду — ложь, гнусная, чёрная, подлая ложь о Народном восстании. В руках лжецов всё. И люди больше никого не слышат, не видят.

Была одна-единственная возможность выйти в эфир! Одна! Единственная! И Макашов с Руцким, с Хасбулатовым упустили её! Не те люди! Это не те люди! Ну почему не сбываются страхи наших врагов, ну почему же в Доме Советов не берут верх люди дела, способные принимать решения, почему всё отдано во власть ищущих отступных путей?! Это трагедия! Трагедия всего русского народа, поверившего в этот раз, но ни за что не поверяющего в следующий.

Ложь и предательство. Кругом ложь, обман и измена. Чьи это слова?! Кто так говорил? Государь Император. В далёком семнадцатом. В самом начале этой бесконечной трагедии. Ложь, предательство и измена! Кое-как, измученный, грязный, подавленный, я добрался до дома. Мать сидела бледная и отёкшая. Ей было плохо. Но она наотрез отказывалась от «скорой», она всё надеялась, что обойдётся, само пройдет... а пульс не превышал тридцати.

Жена меня нещадно отругала. И за дело. Тут она была права. С больной, измученной матерью — какие могут быть восстания, демонстрации, бои. Они уже слышали о стрельбе в Останкино, но даже не представляли себе масштабов одной из жесточайших боен нашего времени. Я сразу включил телевизор, этот вражий ящик. Там, с непонятным перебоем программ и каналов исходили ненавистью к восставшему народу пришедшие, чужие на нашей земле людишки. Это было омерзительно. Но это было, я должен был, обязан был это слушать и запоминать: раскрывались лица, интеллигентствующие актёршишки застывали в своей русоненавистнической неприкрытости. Мерзость, гадость, геноцид!

Они клеветали, клеветали и клеветали... и я думал не об этих злобных, ветхозаветных ничтожествах, а о миллионах русских людей по всей стране — неужели верят, неужели поверят?! Чудовищно! Но тогда же я понял, что колониальная Администрация в полнейшей прострации, она в ужасе и уже на аэродромах, уже почти в бегстве из России. Лишь брошенный всеми полубезумный Гайдар, чмокая и трясясь от страха, сзывал свою частично русофобскую, частично одурманенную рать на площади!

О, проклятая гайдаровщина — иго чуже-

земное! Свобода грабить Россию и убивать! По сути дела, этот внучок и спас обезумевшую администрацию. Он и «белодомовские сидельцы», выпустившие Победу, принесенную им Народом, из своих рук. Всё остальное — мифы и сказки. И про Ельцина, который якобы на вертолёт прилетел ночью в Кремль. Враньё. Всю ночь дежурили вокруг Кремля репортёры. Даже комар не прилетал, не то, что вертолёт. Это позже стало известно, что американская резидентура взяла на себя руководство, вывела из прострации функционеров режима. Ну что же, мы любим, когда в наши дела вмешиваются, очень любим.

Я не выключал ещё проклятого басурманского ящика и по иной причине: сегодня у мэрии и Дома Советов, а потом в Останкине пролилась кровь тысяч русских людей, многие сотни, если не тысячи из них были убиты, безоружными, убиты подло, зверски, нагло. Где Патриарх со своей анафемой?! Почему его нет?! Это же позорище! Он тоже не хочет ничего? Ему тоже ничего не надо?! Но какой же он тогда Патриарх?! И не накличет ли он таким образом, предательством и трусостью перед лицом Господа Бога анафему на самого себя.

Православная Русь! Православная церковь наша Русская! Ежели и тебя предадут, то что же дальше-то! Будем мы все навеки прокляты! Нет, Патриарх не показывался, он всё «болел», он нашёл свой отходной путь, запасной выход. И от этого становилось гаже, вдсятеро муторнее и противнее на душе. Кругом измена и предательство, подлость и мерзость! Но люди... люди верят, они пошли на смерть, что будет завтра с теми, кто не в белокаменных палатах «белого дома», а снаружи да в подъездах и на лестницах?!

Недобрые предчувствия сжимали сердце, гнули, ломали. Я никогда не любил комсомольскую шатию-братию со всеми их «разоблачительскими» и зрелищными «взглядами». Но надо отдать должное: среди истерики, угроз, бешеной пены на ртах «мастеров искусств» вдруг появились более-менее вменяемые, бывшие «взглядодовцы» — не ожидал от них — посоветовали кончать психоз, и идти всем спать, утро ведь, оно мудренее вечера.

Наёмные злопыхатели и русоненавистники почуяли в своей среде измену. И предали «взглядодовцев» анафеме, не задержались, у них, ветхозаветных, это быстро. О наших «мастерах» и «творческой интеллигенции», об этих иудах, разговор особый, и мы ещё вернемся к ним. А ночь ту тяжкую провёл я бессонно, ругая себя за подозрительность, за то, что рублю с плеча. Ведь что-бы там ни было — сидящие в Доме Советов ге-

рои, в том числе и Руцкой, и Хасбулатов, и Ачалов, и Макашов, и другие вожди... про людей простых не говорю, насчёт тех и сомнений нет, это святые мученики, богатыри, подлинные витязи, вершащие подвиг. Они не ушли. Они остались. Значит, они верят!

И какое-такое я имею право сомневаться в Руцком?! Кем бы он ни был раньше, чего бы он ни сделал — он восстал против колониального режима. Это подвиг. Это великий подвиг посреди всеобщего предательства, тотальной измены, когда за какие-то два года предано всё! Да как я смею! Надо с самого утра идти туда. И если не спасти Россию со всеми вместе, то хотя бы умереть не предателем и поганым иудой, подлецом и последней сволочью. За ночь они воспрянут, выйдут из прострации, они сумеют перехватить инициативу! Иначе быть не может! Иначе конец всему — России, русским, всему!

Утро пришло ясное и прозрачное. Не верилось, что таким прекрасным утром может начаться нечто нехорошее. Но, видимо. Силы Небесные и впрямь отвернулись от нас. Мать не спала всю ночь и чувствовала себя совсем плохо. Но её пугала даже сама мысль о больнице, о том, что надо будет оставить свой дом, куда-то ехать, да ещё в эдакую смутную пору... Не слушая больше возражений, я вызвал врача из поликлиники, для начала. Сам включил телевизор, стал ждать. Ни работать, ни отдыхать не мог. Тут позвонила Нина Ивановна, она давным-давно уехала на работу, в филиал нашей редакции.

— Замки сбили! Ночью! — поведала она.

— Что там — погром? обыск? грабёж? — разволновался я.

— Да нет, внутрь забраться не смогли, один замок им не по зубам оказался, — успокоила она меня. И тут же спросила: — Милицию вызывать?

— Не надо. Звони в случае чего! Кто-то воспользовался суматохой, неразберихой той страшной ночи. Потом я узнал, что именно в эту ночь ворьё, почуяв, что государства и власти нет, обнаглело до предела: угоняли машины, грабили квартиры, сводили счёты. Преступники знали: придут к власти новые люди, не до них первые дни будет, а там сотрётся из памяти всё, останутся прежние — всё спишут на «боевиков», им даже на руку все погромы и ограбления.

Но в эту ночь кто-то шуровал под видом грабителей — верхушка режима пребывала в панике и прострации, но охранка на местах не упускала момента порыться в «чужих архивах», знаем мы эту тактику. Плевать! Сейчас главное другое. Сейчас всё зависит от того, как поведут

себя в Доме Советов. Если замкнутся, отгородятся — всё, проиграли, тогда полное поражение. Если найдут сил выйти навстречу — ничто и никто их не остановит.

Американская телекомпания транслировала на весь мир то утро и тот день. Это сразу подействовало на меня угнетающе. Добило. Я не видел ничего странного в том, что наши телевизионщики пропали куда-то напрочь и не могли ничего выдать в эфир кроме нескольких брызжащих слюной трусливых рож. Что взять с них, с кучки останкинских евреев, им в «этой стране», чужой стране рисковать своими драгоценными жизнями не резон. С ними всё ясно. Но американцы!

Они с самого начала вели себя хозяевами. Они были хозяевами. Они контролировали положение в колонии, они полностью осуществляли централизованное руководство подавлением народного восстания, они, естественно, и транслировали — не для нас — а для любопытных зевак из «мирового сообщества» эффектное, но затянутое шоу. Рождённые в Империи, мы доживали, а многие умирали и уже умерли, погибли в совсем иной стране — в колонии, жалкой, бессильной, задавленной, нищей...

Я знал, что сейчас миллионы людей сидят у экранов. И они верят колониальной пропаганде. И они не знают правды. Потом выяснилось, что на крыше американского посольства торчали не только телевизионщики, но и снайперы спецслужб, и не только на этой крыше. Они заняли все удобные высоты вокруг Дома Советов, своими меткими выстрелами они подстёгивали штурмовиков режима, распалили их, вызывали в них ненависть к обороняющимся, которые так и не посмели открыть огня.

А гнусные лжецы из вражьего ящика все скулили про «боевиков», «бандитов», «фашистов», «красно-коричневое отребье», взявшее власть в «белом доме». Да если бы «боевики» взяли власть, дорогие вы наши изверги, не сидели бы вы ни минуты лишней в студиях, а бежали бы сломя головы, хоть по морю, хоть по сушу в свои земли обетованные, подалее от народного гнева за все ваши преступления, бежали бы крысами из «этой страны» и по дороге дошли бы от страха и переполняющей вас ненависти к России и русским.

Если бы «фашисты» взяли власть, ещё бы вчера были решены все вопросы, и не было бы никакой трансляции с крыш американского посольства, и не было бы снайперов, и самого бы посольства, надеюсь, не было, а коли и осталось бы оно, так в тех рамках, в коих и положено быть представительству иноземного государства, но

отнюдь не управляющей структурой. Ежели пришли бы к власти в Доме Советов «бандиты», так ни один из «бейтаровцев» не ушёл бы живым из Москвы, висеть бы им всем, посмевающим стрелять в безоружных, на московских осинах на радость всему честному и доброму люду.

И не нашлось бы добровольцев для танковых экипажей, что обстреливали Дом Советов, и сами бы танки не подпустили близко, да и танки эти не палили бы по депутатам, а охраняли бы их. И уже закрыты были бы все государственные границы, чтобы преступная нечисть не смогла скрыться от справедливого наказания... и рухнуло бы ещё вчера колониальное иго.

Но не «фашисты» захватили власть в «белом доме», а защитники «молодой демократии». И потому последовало то, что последовало — расстрелы, убийства, погромы, пытки, казни, большая, чудовищно большая кровь в Москве, тысячи неопознанных трупов, вывезенных невесть куда и дичайшее, варварское торжество вандало-антихристов из «мирового сообщества». Это надо же, как радовался весь «цивилизованный мир», когда расстреливали Российский Верховный Совет! Как они одобряли каждый пушечный выстрел!

Уже одной этой реакции было вполне достаточно для того, чтобы лишиться иллюзий в отношении «мирового сообщества». Для него по старой переименованной поговорке только в одном случае русский хороший — это мёртвый русский. Кровавое зрелище возбуждало алчущий наших смертей «цивилизованный мир». До какой же мерзости и подлости дожила земная Цивилизация.

С этого дня я перестал воспринимать «мировое сообщество» как сообщество человеческое, людское. Дай Бог дожить до того времени, когда танки будут расстреливать сенат и конгресс в проклятых Штатах. Да свершится это! И пусть транслируют на весь мир, как орудийные снаряды будут разрываться в гуще сенаторов и конгрессменов! А снайперы, засевшие на крышах, будут добивать тех, кто вскочит из дыма, ада и бушующего пламени. Дай Бог свершиться этому, ибо справедливо будет! Дай Бог, чтобы танки крушили центр Парижа, Лондона, Тель-Авива, Бонна!

Гуманисты из «мирового сообщества» должны испытать на своих шкурах, что такое рвущиеся внутри здания куммулятивные снаряды. Они думают, что убивать можно и нужно только русских. Надо развеять их иллюзии. Я верю, свято верю, что наступят времена, когда и они созреют, когда в их странах возобладают силы (они уже растут и множатся), жаждущие

перемен, «перестроек». И надо будет поддерживать стремления тамошних «перестройщиков», как «мировое сообщество» поддержало наших.

Все тысячелетия мы были их щитом, мы давали им возможность расти и жиреть, прикрывали своими телами от диких орд. Но придут к ним орды в иных облициях! И сотрут их с лица земли! Палачи! Они все стали палачами, не только спецслужбы и госструктуры. Когда бомбили гражданский Ирак, нам показывали «простых американцев», чьи лица были перекошены ненавистью, они рычали: «Бомбить! Бомбить!».

Это уже не какие-то «ястребы» сеяли смерть, это вся Америка убивала детей и стариков, женщин и мужчин в иракских городах и селениях. Да настанут времена, когда иракская авиация и иракские ракеты будут сносить с лица земли Вашингтон, Нью-Йорк и прочие паучьи гнездовища. И скажу я — это хорошо. Ибо справедливо! Ибо убийцы должны отвечать за миллионы и миллионы растерзанных русских, вьетнамцев, иракцев, корейцев, несчастных безоружных островитян, которых они убивали, сомалийцев, сербов... должны.

Посвящённые знают, две величайшие войны этого века — Первая мировая и Вторая мировая — на совести у англо-американского спрута, стравившего две великих нации, русскую и немецкую. Америка и Англия по уши в крови десятков миллионов. Все «революции» на их совести, все терроры! Они всегда убивали нас. И им всегда было мало. Ибо ненасытны, наглы и неостановимы в наглости своей. Они снова убивали нас, расстреливали наш парламент. Знающие знают.

Все эти ельцины, грачёвы, ерины со всеми своими подчинёнными были только оружием в руках настоящего, большого Белого Дома, который и посадил их на власть. Штык прокалывает тело, но убивает — бьющий штыком. Пуля пронзает и разрывает тело, но убивает нажавший спуск автомата. Это они нажали спуск. Это они держали в руках оружие, из которого расстреливали Россию. Белый Дом, Пентагон, ЦРУ. Америка! Каждый знающий знает. Всё остальное — сказки для толпы, для быдла.

Я знал и знаю это. Хасбулатов знал и знает это. Руцкой знал и знает это, не мог, он, политик, не знать этого. И в те минуты, часы Руцкой вёл переговоры с американским посольством. Уже были убиты «бейтаровцами»-добровольцами сотни русских беззащитных людей, тех самых, которым не выдали даже одного автомата на десятых, тех самых, что поверили и пришли, тех самых, преданных и брошенных на смерть. Руцкой искал отходных путей. Люди умирали.

Да, он восстал против режима, за «молодую демократию» и Россию. Да, других не было. Слава Богу, что хоть такой нашёлся! Да, тюрьмы не сломили его! Да, он продолжает борьбу! Но навсегда в моём сердце останется та рана. Американское посольство. После Лефортова к Руцкому, лично, приезжал посланник Клинтона бывший президент Никсон, никто не знает, о чём они говорили. А я знаю. О возможности получения «ярлыка на княжение». Ханского ярлыка из Вашингтона.

Какая же это чудовищная трагедия для России, когда даже лидеры-патриоты, оппозиция колониальному режиму, ищет поддержки у «большого хозяина» из-за океана. Непостижимо! Нет, я тогда сразу понял, что никакие «фашисты» не брали власти в Доме Советов, что там всё тихо. А значит, скоро конец кровавому «шоу». Это был страшный, невыносимый день бессилия и поражения.

Функционеры режима, за ночь приведенные в чувство американскими инструкторами, стягивали силы в Москву, выходили из прострации и паники, они начинали соображать, что не им бояться надо, что, напротив, бояться их самих. Вот это и был перелом. Чтобы победить, надо ощутить себя победителем.

Горько всё это было. И тяжело. Я должен был ехать туда, к горящему Дому Советов. Но надо было дожидаться врача. И я дождался. Врачиха, куда-то спешащая, нервная и суетная, скорёхонько осмотрела мать, сказала, чтобы завтра она пришла в поликлинику, сделала кардиограмму, тогда и видно будет.

— Как же так, ведь сердце еле бьётся, всего тридцать ударов?!

— Ничего, не рассыпется! — бросила из-за двери врачиха.

Эх, вера наша наивная и слепая во врачей да в политиков. Мерзавцы они по большей части. Но чтобы узнать эту их подноготную, надо поближе с ними сойтись. Я вернулся к матери, успокоил её, мол, ничего страшного, всё обойдётся, вот и доктор так сказала, завтра кардиограмму снимут, выпишут лекарство, а сейчас лежи, не вставай. Надо было плевать на всех этих врачих-дур, везти мать в больницу, плевать на всё. Но доверчивость наша и простота, сколько раз они подводили нас. И я вызвал жену с работы, оставил мать на неё, а сам поехал ТУДА.

Измученный, не спавший ночь, с разбитыми после вчерашней бойни коленями, локтями, кистями рук, перекошенный, хмурый, подавленный. Жующие толпы с пустыми глазами всё так же ходили туда-сюда по улицам, им было пле-

вать, где они живут, кто ими правит, лишь бы пожрать вовремя и побольше, да «запаковаться» в барахлишко. Я не смотрел в пустые нерусские глаза, и без них тошно было. Я ещё краешком души верил — опамятуются в Доме Советов, вспомнит Руцкой, чёрт его побери, о том, что клялся «живым не выходить», раздаст надёжным людям пулемёты да гранатомёты, отобьют они атаку вражескую, бейтаровскую!

Ведь вся Россия настоящая, не жующая, сидела перед экранами и ждала — ждала, что тот, кто объявил себя единственным президентом сделает наконец-то хоть один решительный шаг — тогда и за ним, вперёд, под развёрнутыми знаменами. Четыре танка! Много это или мало?! Много, когда помирать собрался и в щель забился. А для воина это ещё не преграда. В Доме Советов были воины. А в танках сидели наёмники — за доллары, за звёздочки, за квартирки московские.

Две-три вылазки с гранатомётами, одна поражённая цель, и наёмников как ветром бы сдуло, им подыхать ни за какую прописку не с руки, это не воины, а палачи за деньги. Про «бейтаровцев», что расстреливали безоружных с БТРов и речи нет, их могли бы с самого утра остановить, уничтожить. Не решились. Почему? Потому что не чувствовали себя победителями, законной властью, отходные пути искали, боялись гнева «большого хозяина» и хозяев кремлёвских, нынешних.

Впрочем, не мне судить их. Но «белый дом» погубил без боя. Когда приехал туда, подошёл вплотную, я убедился в этом — стреляли только войска режима. Ни одного ответного выстрела. Все рассказы и сообщения теле-лжецов о жертвах «боевиков» — грязная и подлая ложь. Из Дома Советов не стреляли. Чёрный Дом полыхал свечкой. И орды полупьяных, одуревших от пальбы и водки «молодых демократов», многотысячные орды, не спешили откликаться на призывы Руцкого и бросаться на защиту «молодой демократии», а совсем напротив — с яркой ненавистью глазели на осаждённую, горящую крепость.

Они жаждали крови, им сказали, что внутри «фашисты», «красно-коричневое отребье», и они жаждали смертей. — Чего не стреляете?! Пали давай! — Добивай красную гадину!!! — Огонь! Огонь! — Бей коммуняк! Кто-то советовал облить весь Дом Советов бензином и поджечь. Другой говорил, нет, надо сверху, с вертолётов газами травить, а когда выбегать станут, расстреливать... короче, отпущенные Ельциным с занятий, поглазеть на расстрел «фашистов» собрались школьники да студенты, «дети пере-

стройки», поколение, возвращенное врагами нашими для истребления нашего.

Россия гибла в огне и разрывах снарядов. Мир ликовал. И уже было ясно — Народное, национально-освободительное восстание подавлено. Властям остаётся лишь на страх всей стране добить, растоптать с показной жестокостью этот последний островок сопротивления. И всё. И грядёт уже иго безысходное, вековечное, страшное, не оставляющее надежд. Чужеземное беспощадное иго.

Я стоял под обожжённой, изуродованно-щербатой башней «мэрии». И сердце моё рвалось в полыхающий, обожжённый ордами наёмников и братоубийц Чёрный Дом. Под ногами хрустело битое стекло — везде и повсюду. И топтались по нему тысячи жаждущих крови. Дети перестройки. Горящие глаза, восторженные рожи... эх, не успел им Гайдар автоматы и гранатомёты раздать, не на всех хватило, а то б иной разговор шёл! Герои! Они рвались в бой.

Особо шустрые и пьяные подхватывали с мостовой камни и осколки плит, с матом и угрозами швыряли их в сторону «белого дома» — а как же, им хотелось не просто глазеть, а участвовать в штурме, чтобы потом среди таких же дебильных нерусей было чем похвастать, дескать, здорово мы коммунякам врзали!

И плевать этим героикам, что не было и в помине в Доме Советов никаких коммунистов, что зюгановцы да анпиловцы все по своим домам сидели и в противостоянии иноземному режиму не участвовали, всё равно — «красно-коричневые», «коммунисты»! Дебилы, зомбированные массовой антирусской пропагандой, трупы ходячие и безродные. Жутко и холодно мне было среди тысяч и тысяч этих трупов, этих беснующихся нелюдей.

Ещё вчера, ещё неделю назад они ходили-бродили по улицам и проспектам с застывшими лицами и равнодушно-нерусскими глазами, ходили толпами и жевали, жевали, жевали... им ничего не было нужно, кроме жратвы, шмотья и питья. Сегодня они возжаждали зрелищ. Нет, и тут не было своей воли у этих трупов, им сделали зрелище, им его устроили! А они просто жаждали крови живых людей. Но крови было много там, за опалёнными стенами. И её не было видно здесь, лишь крики раненых доносились изредка, прорываясь сквозь пулёмётный треск.

Мало этого было жаждущим. Крови! Крови!! Крови!!! Беснующаяся толпа лезла под пули, в зону обстрела, лишь бы почуять желанный запах горячей крови. Такой концентрации алчной похотливости я никогда не ощущал — многотысячная стая трусливо-алчных шакалов

окружала добываемого исполина. Часть этой стаи даже залезла на крышу дома напротив, облепила её трепещущим жадным комком. И визжали. И орали в экстазе! После каждой очереди! После, каждого крика с той стороны! Нелюди.

Чего от них было ждать, и вели они себя не по-людски. И кругом бутылки, бутылки, бутылки... пили водку и пиво, а в основном тот мерзкий иноземный самогон, что поставляется уже давненько в нашу колонию под красивыми этикеточками и названьями. Пили поганое пойло! Рыгали, блевали, мочились, гадили там же. Жёлтые склизкие вонючие лужи сливались в единое мелко-поганое море, покрывали битое стекло, осколки облицовок, блоков.

У стеночки, под мостиком к «мэрии» валялись три тела, но не убитые и не контуженные, а мертвецки пьяные, валялись в лужах и озёрах мочи. Дети перестройки. Молодое поколение выбирает... Мне было предельно ясно, что выбирает молодое поколение. Эту мерзость надо было видеть. Но и среди нелюдей попадались «добрые души».

— Эй, держи аршин, — потянулся ко мне с бумажным стаканчиком из-под «пепси» хлюпкий пьяненький мальчонка — белёсый и мутноглазый, но сияющий неземной радостью и иступленным блаженством. Я отмахнулся, скривился. Даже слов не нашлось. Мальчонка стоял с краешку, за ним было еще семь или восемь таких же, но покрепче, у каждого в руке или стакан или бутылка.

— Не пить! Не пить!! — пьяно командовал чёрный, растрёпанный. И вздымал кверху грязный палец. — Терпение, господа!

«Господа» пошатывались, хихикали, матерились, пускали слюни. Я не сразу понял, чего они ждут. Спиртным ребятки запаслись основательно — у каждого из карманов торчали горлышки бутылок. Было ясно, что сами они таких запасов не осияют. Предлагали соседям.

— Тихо!

И впрямь стало вдруг тихо. А потом ша-рахнул залп. И вслед ему застучали смертным стуком крупнокалиберные пулемёты с БТРов. Ещё сотни килограммов свинца обрушились на погибающий Дом Советов. Но этого, оказывается, и ждали.

— Ур-р-ра-ааа!!! Ур-р-ра, господа!!! — завопил во всю глотку чёрный. Воздел кверху уже не палец, а сам стакан, пролил половину себе на плащ. — Урр-рааа!!! Выпьем же, господа, за победу демократии!

— Урр-раааа!!! — хором завопили остальные, пьяно и невпопад.

Эхом отозвались окружающие, даже те, кто и не видел и не слышал «господ». Стадо! Пили жадно, взахлёб, ликуя и не скрывая своего восторга. Визжали какие-то девицы-студенточки.

— Вперёд! Дави!! Бей!!!

Стая шакалов-нелюдей зашла в бесновании, дёрнулась чёрной тучей к «белому дому». Но тут же отхлынула трусливо, припадая на четвереньки, напуганная очередями откуда-то сбоку, разбежалась, оскальзаясь и падая в собственную мочу. Эх, власти, власти! Не предусмотрели столь малого, устраивая кровавое многолюдное «шоу» под открытым небом — своим же «молодым демократам» и защитникам «нового мирового порядка» не удосужились разъездных туалетов на колёсах доставить.

Вот и представьте себе — с самого утра и до ночи десятки тысяч пьяных и полупьяных «борцов с коммунизмом», накачивающихся беспоминутно водярой и пивом! Нет, это трудно представить, это надо было видеть — мутные ручьи стекались в озёра, озёра в моря, и текла зловонная жижа. Текла здесь. И текла кровь людская. Текла там — в Чёрном Доме.

Сотни умирающих корчились в страшных муках, тянули вверх руки, молили, стенали, плакали. Но не было им пощады. Не было, ибо жаждущих крови надо было насытить, а непокорных по всей земле Русской запугать — раз и навсегда, чтоб и помыслить не смели о возрождении Народа Русского, о возрождении Руси Святой.

Давным-давно, ещё в школах, нам рассказывали, как английские колонизаторы подавляли восстание в Индии, как зверствовали, как с холодной жестокостью не щадили никого, ни женщин, ни стариков, ни детей, как привязывали их к жерлам пушек, расстреливали... Теперь колониальные власти так же карали русских. Один за другим снаряды, выпущенные из танков, разрывались среди тысяч загнанных в свой последний приют людей. Кровавое жуткое месиво было за горящими стенами Чёрного Дома. Зловонное, поганое месиво было вокруг него.

И всё же толпы нелюдей-шакалов смотрелись чуть ли не героями. Ибо где трагедия, там и комедия найдёт себе место. Толпы мертвяков, детишек перестройки отважно стояли, метались, пили, гадили и ликовали под огнём. А кто ж вёл его? Где-то далеко, явно побаиваясь приблизиться к Чёрному Дому на гранатомётный выстрел, жались к асфальту танки наёмников-добровольцев. Только издалека, только из-под полуметровой брони, только ничем не рискуя... смельчаки!

Они работали так, как и их заокеанские хо-

зьева работали во Вьетнаме, в Ираке, в других точках земного шара — не лицом к лицу, а с безопасенького расстояния, снарядами, ракетами, уничтожая мирных детишек, старичков, бабулек. Миротворцы-убийцы!

Наёмники-бейтаровцы в БТРах были посмелее, чуть ли не вплотную подкатывали к стенам ненавистного им Дома Советов, крушили из пулемётов и гранатомётов все подряд. Это на их совести с самого утра были сотни смертей, это они полосовали свинцом безоружных Русских на баррикадах, это они срезали очередью отца Виктора, священника, вставшего им навстречу с поднятым крестом в руках. Ветхозаветная, лютая злоба чужеземцев, ненавидящих всё Русское, всё Православное.

Эти убийцы, дай им волю, могли бы учинить такой новый «красный террор», что Москва превратилась бы в одну большую могилу, на которой они бы плясали потом свои ритуальные пляски. Это позже «Альфа» приструнила разошедшихся убийц. Но тогда они были в раже и угаре пирровой победы. И всё же и они не высывали носа из-под брони. Убийцы всегда трусливы и подлы. А толпа металась, бесновалась, застывала, визжала. И не уходила из зоны обстрела. И мотало меня вместе с этой поганой толпой. И не мог я уйти. Я должен был видеть всё.

И видел я, как жались к стенам бронированные спецназовцы в касках с автоматами и пулемётами. Нет, они не лезли на открытые места. Они, будто суперменчики из дешёвых штатовских фильмов, выскакивали, выкатывались из-под каменных прикритий, давали очередь-другую в сторону Чёрного Дома и снова прятались. Они жались к стенам, боялись открытых пространств, прикрывали друг дружку.

Временами палили прямо ввысь, по башне «мэрии» — ведь где-то на самых верхних этажах ещё отбивались от безумного натиска смельчаки. Что сейчас испытывали эти отчаянные парни, загнанные в ловушку, обречённые на смерть, но не сдающиеся? Вечная память павшим героям! Время выявит их имена, если чёрная туча новоордынского ига не станет вечной, если не исчезнет с лица земли сама Россия.

Время от времени кого-нибудь из толпы сбивало с ног пулей, осколком. Три трупа в уродливых позах валялись под мостом уже часа четыре, а кое-кто поговаривал, что и с самого утра. Толпа трупов не пугалась, лишь ощущалось, как сладостно-тревожно замирали у кровавых зевак сердца, и тут же слышались облегчённые вздохи — мол, слава богу, не меня! Это была словно бы рискованная игра на везение. Но

слишком уж много живых мертвяков в неё играло.

Я дождался того часа и той минуты, когда с правой стороны Дома Советов раздались глухие хлопки, повалили вверх огромные клубы чёрного, непроницаемого дыма. По толпе понёлся шепоток: «Альфа! Альфа пошла!». Пробиться ближе, к самим подъездам, понять, что там происходит, не было никакой возможности, войска режима, спецназ, снайперы с крыш простреливали все подходы — любой подошедший слишком близко расстреливался без предупреждения, иногда выстрелами сразу с нескольких сторон: справа, слева, сзади.

Не стреляли только из самого Чёрного Дома. Даже трусливо-наглая толпа поняла, что пулю можно схлопотать только от «своих», от штурмовиков режима. Правда, и это не всех пугало: время от времени пьяненькие смельчаки, похваляющиеся перед своими друзьями и подружками, выскакивали в зону обстрела, дурачились, куражились, плевали в сторону осаждённых, швыряли бутылки... и под восторженные демократические визги толпы или воссоединялись с нею, или падали, корчась и хрипя.

Мне не было жалко этих геройчиков. Плевать на них. За их жизни пусть перед их матерями отвечает власть, которая отменила уроки и занятия в школах да институтах и волей-неволей пригнала любопытных «младодемократов» сюда. Мне было до ножевой сердечной боли жаль тех, что сидели в Чёрном Доме. И не столько депутатов и прочее начальство, которое сбилось за семью стенами в непрошибаемом зале заседаний, а тех, кто умирал сейчас во внешних кольцах обороны, тех, кто стоял насмерть, сдерживая звериные наскоки бейтаровцев, железный натиск 19-ой десантной дивизии (эх! втравили ребятишек несчастных в палаческое дело, да ещё гвардейцев! как отмываться будут? как отчищаться перед отцами и дедами, которые в боях с врагом стали гвардией, а не в расстрелах своих братьев? беда!)

И уже тогда стало ясным, что осаждённые прекратили сопротивление, что лишь малая часть, взяв оружие и боеприпасы, повязав головы чёрными лентами смертников, ушла на верхние этажи «стакана», ушла умирать. А те, что остались внизу, просто распахнули все двери — входите! И не было никакого особенного героизма этой самой «Альфы», её штурмовики шли в открытые ворота, незачем им было прикрываться чёрными дымовыми завесами, никто в них не стрелял, потому как поверили им.

А не поверили бы, так и не подпустили бы на двадцать метров к ещё белым стенам Дома

Советов, всех бы положили, не помогла бы ни шумная реклама, ни стальная броня. А уже на плечах «Альфы» ворвались в Чёрный Дом боевики-бейтаровцы, омовцы и прочие душегубы. Вот когда началась лютая бойня. Но лишь опали чуть зловещие клубы, повернулся спиной к страшному дому, не мог больше глядеть в ту сторону, побрёл прочь от проклятого места. Какой-то мордovorot в броне и камуфляже выскочил от разбитых дверей «мэрии», замахнулся на меня прикладом автомата, прорычал: — А ну вали отсюда! Нельзя!

Туда и впрямь нельзя было, на верхних этажах шёл бой, каратели боялись, что к осаждённым в «мэрии» придёт подмога, выручка. Они вообще всего боялись. Глядя на укомплектованных молодцов, трусливо жмущихся к стенкам, можно было подумать, что это они в осаде, что это их безжалостно высекают шквальным огнём. — Да пошел ты на хер! — сорвался я. И отвернулся, и быстро побрёл вдоль битых стеклянных стен. Только поровнявшись с углом, бросил короткий взгляд назад — мордovorot держал меня на мушке, не доверял.

За углом обругали похлеще. Прямо из пролома в стеклянной стене, из пролома в смятом и сплюсненном жалюзи, откуда вчера бежал выбитый из «мэрии» ОМОН, выскочили ещё двое карателей, один пихнул меня в плечо. Другой, тот, что матерился и вопил, ткнул стволом сначала в толпу, потом в обратную сторону — мол, или туда вали или вообще убирайся отсюда. В толпу мне не хотелось. И я быстрыми шагами пошёл прочь, удивляясь гуманности стражей режима, могли бы и кости переломать, в тот день ни с кого никакого спроса не было, убивай — не хочу!

Почти бегом перебежал я от «мэрии» к домам на противоположной стороне улицы, миновал страшное, открытое, простреливаемое пространство. Прижался к стене, вздохнул с облегчением... но облегчение не пришло — перед глазами, горящим погибающим кораблём стоял Дом Советов. Но нет, хватит, я больше не мог смотреть туда, это было невыносимо — невыносимо от полнейшего бессилия чем-либо помочь убиваемым сейчас там, расстреливаемым, терзаемым, пытаемым, страждущим и захлёбывающимся в собственной крови. Прочь! Как можно дальше отсюда!

И я быстро пошёл в сторону Арбата, мимо десятков военных машин, мимо сотен, тысяч вооружённых до зубов доблестных бойцов, мимо взводов, рот, батальонов, мимо закованных ратей. Солдатушки-бравы ребятушки стояли, выжидали со своими отцами-командирами. А спец-

наз вовсю орудовал вокруг близлежащих домов. Я в начале не понял, что происходит: эти мордороты деловито сновали туда-сюда, ныряли в подъезды, шмыгали в подворотни... а потом принялись из пулемётов и автоматов палить по верхним этажам. Над их головами, меж очередей плыл гомонливо-суетливый говорок: «снайперы! снайперы! боевики! фашисты! снайперы! надо выбивать! надо выкуривать!»

Всё становилось ясным и вместе с тем ещё более запутанным. Да, чёрт побери, снайперы были, но это были ребята из спецслужб — наших, американских, израильских, профессиональные убийцы, выбиравшие жертвы и с одной и с другой стороны и методично отправлявшие их на тот свет, чтобы разжечь огонь злобы, ненависти, чтобы подлить масла. Но этих проффи нашим тупым ОМОНОм не возьмёшь, их и след давно простыл, они уже давненько под крышей американского посольства, не иначе. А это другие! Не снайперы!

У меня сердце будто льдом сковало от ужаса. Я представил самого себя там, на верхних этажах, на чердаках, затравленного, расстреливаемого, без всякой надежды, обречённого на смерть от пуль и прикладов карателей. Да, ещё вчера после освобождения «мэрии» кое-кого из оборонявших Дом Советов послали в соседствующие, в основном высотные здания, до самого Калининского с его дурацким синим глобусом, под которым толкал речи Аксютин. И никакие они не снайперы! По двое, по трое их поставили по верхам — «контролировать обстановку» на дальних подступах к осаждённой «белодомовской крепости». Поставили — да и бросили! И вот теперь на них шла охота.

Трудно даже вообразить себе: под чердачной крышей двое — затравленных, преданных, измученных долгой обороной, а внизу — орды возбуждённых, свирепых охотников с горящими глазами, с дрожащими руками и сотнями автоматов, пулемётов, десятками гранат. Меня снова отпихнули от дома, пообещали пристрелить как собаку, если сунусь. И вот тогда я впервые услышал выстрелы сверху — осаждённые в этих брошенных домах отбивались, они не хотели умирать безропотными жертвами. Но что такое один-два выстрела сверху. И ураганный, бешеный огонь снизу!

Было предельно ясно, что ни один из загнанных, затравленных не уйдёт живым — всё было перекрыто, все пути отрезаны. Позже я удивлялся, почему никто не пишет об этом, почему не показывают по «вражьему ящику»! Ведь бойня шла не только в Доме Советов, но и по всем близлежащим домам. Я почти бегом бежал

от одного к другому — везде творилось то же самое. Калининский, этот Новый Арбат, был перекрыт, никого туда не пускали, загоняли во дворы, на старый Арбат. Но я пробрался, перебежками, бросками.

Спецназовцам было не до меня, и только жирный пожилой милиционер в короткополой серой шинели чуть не огрел дубиной, еле отскочил. На Новом Арбате стояла пальба, хоть уши закладывай. Ни троллейбусов, ни гражданских машин, ни пешеходов... но зато десятки спецавтобусов, грузовичков спецназовских, береты — чёрные, синие, красные, зелёные, фуражки, каски. И пальба — бесконечная и гулкая.

В сторону Арбатской станции метро всё затихало, успокаивалось. Но в сторону Дома Советов, в районе того самого пресловутого, мерзкого глобуса и по другую сторону проспекта — стоял сущий ад. Красавцы-небоскрёбы из арбатской «вставной челюсти» по верхам были разбиты и обожжены, верхние этажи казались сплошным чёрным решетом. — Прячься, убьют! — закричал на меня другой милиционер, помоложе. Он сам скрывался за бетонным столбом у входа.

— Не убьют, — процедил я. Там наверху не законченные идиоты. Это у карателей боезарядов — пали не хочу, а у них каждая пуля на счету, они в штатском палить не станут, они будут отбиваться только от тех, кто на них прёт с пулемётами. И я стоял в полный рост. Спецназ и милиционеры, видно, не могли понять, что я для осаждённых не, враг. А враг для них — они! И снова: сверху — один, два, три выстрела. И снова — снизу в ответ сумасшедшая пальба.

Так могло продолжаться до бесконечности. Но выхода у загнанных и брошенных всё равно не было. Даже если они надёжно укрыты за бетоном, последняя пуля в обойме — их смерть. Лучше её пустить себе в голову, не ждать убийц-карателей. Но я не имел права решать за героев-смельчаков. Они сами решат. Это их последний выбор. Я всё же ушел за столбы. Присел на парапет. Ноги не слушались. И сердце билось с переборами. Надо ехать к больной матери, надо ехать домой, здесь всё ясно.

Боль, ужас, трагедия, черная жуткая тоска... но здесь всё уже решено. И ничего уже не будет. Ни свободной, независимой России. Ни Русского Народа. Ни возрождения. Всё раздавлено. Всё растоптано, выжжено, расстреляно — на долгие годы вперёд. Иго! Проклятое чужеземное иго! Пустынный, безлюдный Калининский, пальба, смерть, пыль и осколки. Так все и кончается — пустыней и смертью. А ведь ещё вчера, позавчера, неделю назад именно здесь сновали туда-сюда толпы с застывшими глазами.

Сейчас — только одиночки, прорвавшиеся сквозь оцепления. На них и дубинами уже не машут, заняты делом, охотой. Я знал, что те, кто послал смертников на чердаки небоскрёбов арбатских, сидят за многометровыми стенами, окружённые охраной, сидят и упрасивают иноземные посольства забрать их, дать убежище. Знал, что «Альфа» их возьмёт под защиту, прикроет. Да, они очень хорошо и мудро заботились о своей безопасности, о своих жизнях — позже это подтвердилось, я не ошибся: ни один из них не пострадал, все живы-здоровы, отделались, как говорится, лёгким испугом.

А те, кто поверил им? А те, кто отдал им свои жизни?! Я видел, как их выбивают смертным градом, беспощадно, не давая высунуться с белым флагом, с белой тряпкой, их просто истребляют. И снова, сидел я на парапете измученный, больной, подавленный... а будто стоял на том чёрном мосту, под чёрными адскими тучами. И предадут они вас, поверивших им!

Что же это за проклятье, когда сбывается то, отчего отбиваешься двумя руками, открешиваешься, во что и верить не хочется? Что за проклятье! Да, я знал, что предадут! Но верить не хотел, не мог. Я и теперь не верил ещё до конца, что столь чёрное, страшное предательство свершилось. Тысячи людей пришли, бросили всё — семьи, работу, перечеркнули будущее, поверили и пришли защищать Руцкого, Хасбулатова, депутатов, Россию, «молодую демократию»... И убивали теперь именно их. И злая, недобрая мысль пронзила мозг: нельзя давать предателям выход, нельзя!

Это они клялись перед всеми, что не выйдут живыми из Дома Советов, это им поверили. И я знал, что не все в Чёрном Доме сдадутся, что останутся там непокорённые, выбравшие смерть, что уйдут на верхние этажи. Но чтобы свершилась справедливость, чтобы не иссякла в выживших вера в правду и добро, им надо было забрать с собой всю верхушку «белодомовскую»: Руцкого, Хасбулатова, Ачалова, Макашова, тех депутатов, что звали их в бой, на баррикады, под пули... всё ядро «белодомовских сидельцев», обрётших на гибель тысячи людей, но вышедших сухими из воды.

Нет, нельзя было выдавать их «Альфе». Они, те, в кого поверили, те, из-за кого гибли сейчас сотни и тысячи, должны были умереть с ними вместе. А если... если у них и на это не хватило бы духа, их надо было расстрелять там же, до сдачи, до прихода «Альфы» и бейтаровцев. Предателям не должно быть пощады! Слаб духом — не зови за собой людей! Не толкай их на смерть! А толкаешь — отвечай!

Вот такие злые, недобрые мысли бередили меня, и не мог я от них отвязаться, не мог их прогнать. Успокаивал себя, что не прав, что нельзя обезглавливать оппозицию, нельзя уничтожать ядро сопротивления иноземному владычеству, хоть и гнилое, паршивое, перемётное, но хоть такое, ведь иного нет! Что же за проклятье, знать всё заранее! Да, я ещё тогда, на мосту, и позже, знал, что баркашовцы, приднестровцы, русские ополченцы с честью выйдут из боев и осады, не посрамят званья Русских, умножат ряды Русских Национальных Героев. Знал я и тех, кто предаст. И свершилось! Проклятье!

Но рано, рано горевать... пройдёт время, выйдут они, и отсидят своё, и вновь поднимут люд подневольный, порабощённый... надо смотреть в будущее, это ещё не поражение всеобщее, это только малый проигрыш. Малый?! От пальбы уши закладывало. Шла лютая, бесчеловечная охота. А я вспоминал, как щадили, жалели во время Прорыва и освобождения Дома Советов и «мэрии» милицию и омоновцев, как их отряхивали от пыли и грязи, как вытирали платочками кровь с их лиц вместе со слезами, как успокаивали, утешали... как же добр и всепрощающ Народ! И как свиреп и жесток каратель, как беспощадно колониальное иго!

Лютая охота! Смертная охота, где все предрешено заранее! Нет, это не малый проигрыш, это орда пришла на Русь. И орда не уйдёт сама, ей нравится убивать русских, владеть ими и их землёй. И как смотреть в будущее... как смотреть тем, кого предали, кого предавали многократно?! Ну, выйдут они из тюрем, ну поднимут народ... и снова предадут. И нет им замены! Нет на Руси ни Минина, ни Пожарского, чтобы отстоять святую землю от врага поганого! Проклятая Третья Мировая война! Ты завершилась в августе девяносто первого. Ты разрушила, уничтожила мою Родину, расчленила её, погубила! Ты убиваешь моих соплеменников... И никто почти не знает, что ты была!

Все ещё в мареве, в одури, в нелепом туманном сне, в брехливой болтовне о «новом мышлении», о «демократии», об «европейском доме», о том, что «нам некого бояться и нет у нас врагов, а одни кругом только друзья и спонсоры-благодетели». Ложь! Ложь и ещё раз ложь — гнусная, подлая, страшная тем, что в неё верят. Простота хуже воровства — какая мудрая русская пословица. Нас безжалостно разгромили, поставили нас на колени, разграбили нас, унизили, оплевали и нам же внушили, что мы одарены и облагодетельствованы демократией и мировым сообществом. И поверили мы, и гнём спины, и каемся, и кланяемся новым господам.

Незримые войны! В последней четверти XX-го века родился новый тип глобальных мировых войн — войн без прямой агрессии, без пушек и бомб, без танков (их теперь используют не для решения международных споров, а лишь для подавления недовольства внутри побеждённых стран). Новый тип войн — когда главное оружие это сплав иноземных спецслужб и внутренних пятых колон, выходящих в институты управления, во власть. И вот она свершилась! Не «холодная» никакая, это всё бред, это все басни для дебилов. Свершилась Третья Мировая война! И закончилась полным нашим разгромом.

Только в этом чистая правда, голый факт. Всё остальное — от лукавого, от задуривания простолудья. Испокон века мировые войны шли за передел мира, за господство на мировых рынках и за владение сырьевыми залежами. Отсчёт от 1989 года и до августа 1991-го. Подготовка велась задолго до этого, но сама Третья Мировая свершилась именно в эти годы чудовищного, непостижимого предательства национальных интересов России. И итоги её соответствовали итогам любой из мировых войн: мир был переделен, Россию вышибли ото всюду — из Европы, из Азии, из Африки, с Кубы и из Латинской Америки, из Мирового океана, её вышибли даже со своих окраинных земель, лишили выходов в Чёрное, Балтийское моря.

Её поделили и расчленили на ряд «суверенных» колоний, полностью зависимых от воли победителей в Третьей Мировой (осуществили планы Гитлера). Как побеждённую страну её заставили уничтожить свой оборонный комплекс, военную и космическую промышленность, разрушить производство и сельское хозяйство — такое всегда вытворяли с проигравшими мировые войны. Её сырьё, как и большинство её сырьевых территорий уже практически не принадлежат ей.

Страны-победители выкачивают её нефть, газ, золото, алмазы, пушнину, рыбу, лес... и всё прочее. Вопрос о внешних долгах России и выплате процентов — это замаскированный вопрос о выплате победителям репараций и контрибуций... После окончания Третьей Мировой России как независимого государства не существует. Её ценности, художественные и ювелирные, уплывают в мировое сообщество — идёт возврат, якобы, вывезенного самой Россией после Второй Мировой — но фактически идёт грабёж, наглый, бесцеремонный, подлый грабёж побеждённой страны...

Да, Третья Мировая свершилась. Установлена колониальная власть. Как когда-то нами была установлена после нашей победы власть в Восточной Германии, в Венгрии, Польше и про-

чих странах — вроде бы выборная, «от народа», но фактически власть, поставленная нами, а потому колониальная. Мы тешим себя, что сами голосовали, сами выбирали... Но немцы и венгры много лет назад тоже «сами голосовали»... голосовали за тех, кого им подсунили.

Колониальное иго! Те, кто поверил «белодомовским сидельцам», кто пришёл по их зову, в отличие от миллионов охмурённых и оболваненных, всё знали об иноземном иго. И они пришли — пришли защищать свою землю, свою Родину. И Народ, прорвавший все заслоны, восставший 2 октября, поднявшийся с колен 3 октября — совершивший Героический Прорыв к Дому Советов, освободивший его, тоже знал это. И что теперь? Восстание против поработителей подавлено.

Подавлено полностью, на годы вперед уничтожены все ростки сопротивления. Добивают последних. Лютая, дикая охота! Трагедия всенародная! Нет, нельзя было выпускать предавших из Чёрного Дома. Нельзя! Они из одной команды с колониальной администрацией, они потрутся, потрутся друг о дружку... и притрутся в конце концов, без должностей и мест, без кормушек не останутся. А тысячи поверивших уже погибли. И ещё погибнут.

Я дважды прошёл Калининским почти до Арбатской и обратно. Я рвался домой из этого кромешного ада. Но он не выпускал меня — вновь и вновь ноги на подходе к метро столбене-ли, не могли идти дальше, и меня несло назад — под пули, в грохот и пыль. Это был какой-то заколдованный круг. А между тем Новый Арбат всё заполнялся и заполнялся: уже маячили тут и там какие-то новые спецназовцы, в новых формах, невиданных прежде — стояли, пыжились, кичились — без брони, но все в сверкающих нашивках.

Подгоняли автобус за автобусом, и лезли из них засидевшиеся бойцы режима, повезенные со всей России, ибо местных, московских и областных уже давно не хватало. И трагедия на глазах моих превращалась в жуткий фарс, в исполнинский театр абсурда. И пропали куда-то миллионские оцепления, Новый Арбат начал заполняться толпами, огромными толпами москвичей. И снова толпы сновали взад-вперёд: одни шли от Чёрного пылающего Дома, другие, новенькие свеженькие, торопились им на смену. И не было видно застывших тупых глаз, напротив, глаза горели неземным огнём и похотью.

Это была вакханалия демократии, апофеоз свободы нового мирового порядка. Столько воплей, визгов, пьяно-дураковатых выкриков, свиста, хохота я никогда не слышал — будто с како-

го-то вселенского рок-шабаша собрали тысячи одурманенных, экзальтированных дикарей, визжащих и трясущихся, вопящих в такт шаманским барабанам. И вот именно тогда, когда начало смеркаться, когда шабаш нечистой силы на пыльном и гремящем проспекте достиг невыносимости, издали раздался мерный грохот траков, гул натужных, надорванных двигателей — и на Калининский начали вползать боевые машины пехоты Таманской гвардейской дивизии.

Гвардейцы сотрясали Москву мощью миллионов своих скрытых под бронёй лошадиных сил, аж воздух дрожал и тряслись пугливо длинные, тонкие фонарные столбы. Сотни огромных стволов торчали из башен. Сотни голов в пыльных чёрных шлемофонах торчали из люков. Герои-таманцы, вооружённые до зубов и выше своим российским народом, ехали добивать русских мальчишек и девчонок, стариков-ветеранов, братков-солдатиков, защищавших Россию ещё в фашистской Прибалтике, ещё в Приднестровье, ехали косить из пулеметов матерей-старух с красными флажками и иконками в руках. Колониальная армия, предавшая отцов и дедов. Каратели!

Уже позже, через много недель и месяцев я читал в газетах письма старых, настоящих гвардейцев-таманцев, гвардейцев-кантемировцев, тех самых, что били фашистскую гадину, защищая и освобождая свой народ. Они с болью и отчаянием писали одно: выродки! полиция! каратели! после всего содеянного, после того, как эти дивизии превратились в палачей собственного народа, они не имеют никакого права носить звания гвардейских, таманских, кантемировских — они должны быть расформированы, разогнаны с позором, а их командиры должны быть отданы под трибунал. Так писали те, кто имел на это право!

И я согласен с ними: больше нет таманцев-гвардейцев! больше нет кантемировцев-гвардейцев! Такие преступления, такой позор невозможно ничем смыть! Вся армия покрыла себя чудовищным, несмываемым позором: и та часть её, что подавляла Народное восстание в Москве, и та, что трусливо отсиживалась за своими гарнизонными заборами. Позор! И проклятье! Я сбился со счёту, подсчитывая боевые машины — они всё шли и шли нескончаемой грязно-зелёной колонной. И ликовали детишки перестройки, новоявленные дети Арбата — забрасывали карателей цветами, орали, вопили.

— Спасители! Ур-р-рааа!!! — орал рядом со мной длинный парень в светлом плаще до пят. Потом отцепился от своей столь же длинной и тощей девицы, вытянул из кармана бутылку и бросился к ближайшему броневнику, сунул бу-

тыль в люк. — Урра-а-а!!! Визги восторга перекрывали адский лязг траков. И лезли новые, и совали бутылки и цветы, пьяно шатались, чудом выскальзывая из-под накатывающих гусениц. Вакханалия демократии. Лицемерие и подлость.

Никогда не было в Москве столько брони, снарядов, стволов, гранат, пуль! Никогда не было в ней такой концентрации неумолимой, спрессованной смерти! Тысячи броневиков, танков, танкеток, десятки тысяч пулемётов, автоматов, гранатомётов, пистолетов. Миллионы снарядов, патронов, пуль — тонны взрывчатки! тонны свинца! И против кого? Против избранных народом — пусть и наипаршивейших, одобренных в 91-ом демократию и развал России — но всё же безоружных, перепуганных депутатов, против женщин, которых в Чёрном полыхающем факелом в ночи Доме было большинство, против нескольких десятков охранников?!

Демократия всегда безумна в своей злобе и ненависти! Столь же безумна она была и когда десятки тысяч закованных в броню американских мордоротов-головорезов, под прикрытием сверхмощных авианосцев, эскадрилий, танковых дивизий врывались на беззащитный остров Гренаду, вторгались в Панаму, убивали и травили газами, ядовитыми веществами несчастных измученных вьетнамцев на их же земле, засыпали тысячами смертоносных ракет и бомб мирные иракские городки и сёла... Звериная, чудовищная, беспощадная в своей безнаказанности морда демократии!

Сердце моё было сжато свинцовыми тискарами. Я брёл как в тумане, отрешённо наблюдая это сверхчуждое, похабнейшее видение. И все же я вернулся к концу Нового Арбата, не опоздал — и я видел, я слышал, как уже в вечернем мраке, прямо с ходу эти гвардейцы-герои открыли такой бешеный, такой ураганный огонь по верхним этажам новоарбатских небоскрёбов из своих орудий и пулемётов, что всё прежнее показалось мне шелестом листвы.

Это была сушая преисподняя. Видно, ребята-гвардейцы по дороге времени зря не теряли, бутылочки пооткрывали, взбодрились... да плюс приказы да обещанья отцов-командиров — короче, каратели взялись за дело круто. Кто не был рядом с десятком боевых машин, одновременно ведущих огонь по цели в самом центре города, тот никогда, ни по какому фильму, ни по какому рассказу не представит себе подобного зрелища, такого ада.

Больше двадцати лет назад я сам раскатывал по Венгрии на таких броневиках, сам сидел под башенкой, сам высовывал голову из люка, а чаще и торчал во время марша на броне, повер-

ху. И каких только стрельб не было, и каких лихих учений... и позже, на огромнейших маневрах уже в самой России понавидался-понаслыхался, понатерпелся на собственной шкуре. Но такого и я не видывал. И представить себе не мог — безумный бой, точнее, истребление, сатанинское извержение посреди моей Москвы. Даже ночь перестала быть ночью, вечер вечером — и превратилось всё вокруг в кроваво-багровую преисподнюю. Палачи!

Но больше этого безумного действия повергало в ужас иное. Стоило дьявольской канонаде стихать на минуту, секунду, миг — и воздух сотрясали нечеловеческие вопли: — Урр-рраа!!! — Бей, гадов! — Пали! — Давай! — Убейте их всех! Все-ех!!! — Не жалеи! Бей! Давай!!! Я уже не понимал, где я нахожусь — в центре Москвы, в России, среди своего, русского народа или во вражьем логове, в волчьей стае, чужой, злобной, подлой.

Сколько мерзостей наговорили про робких и малодушных гэкачепистов-неудачников, каких из них монстров вылепили — но я хорошо помню тот август, ведь и тогда я был на улицах, я был на Калининском, на Тверской, где стояли бронетранспортёры, был у «белого дома», с омерзением сторонясь пьяных как и ныне, визгливо-суетных защитничков демократии. Гадко было тогда на душе, в те августовские дни завершения Третьей Мировой, когда так же как и ныне центры управления «русскими революциями» (или как выразился в своих мемуарах нынешний президент «российско-американская революция», уж он-то знал, что говорит!) были под крышами американского и прочих посольств.

Но тогда не было ни одного выстрела, тогда броня БТРов была размалёвана губной помадой и пьяненькие девицы, кутающиеся в длиннопольные солдатские шинели, сосали пивко прямо на броне, под стволами, свесив ножки в люки... Теперь демократия вырезала свинцом инакомыслящих, не жалела снарядов и пуль! Нет, я не мог там оставаться больше. Я резко развернулся, сдерживая накатывающие горькие слёзы. Там убивали затравленных, обложенных со всех сторон героев России, подлинно Русских людей, вставших на защиту Отечества... а я ничем не мог им помочь. Это было невыносимо. И я быстро пошел назад, уже в который раз, расталкивая вопящую восторженную толпу, что стремилась к месту бойни, распахивая алчущих крови и зрелищ.

Не помню, как я добрался до дому — в самом мрачном, подавленном состоянии. Мать сидела в кресле — отекая, блее мела. Надо было брать трубку и набирать «03». И я уже стал

это делать. Но она закричала:

— Нет! Я завтра к врачу сама пойду, кардиограмму снимать! Она же сказала...

— Она сказала... — начал я зло, но осёкся. Больные цепляются за врачей-палачей, им больше уцепиться не за что, это их надежда — и нельзя её отнимать. Я долго возился с матерью, выспрашивал, шупал пульс — он не превышал тридцати ударов в минуту — искал какие-то таблетки. Меня ругали за бездушие и черствость. И до того было погано и муторно на душе, что хоть в петлю лезь. Но нет, рано ещё! Я провалился в чёрную пропасть кошмарных, тяжких снов. И пребывал в ней до самого утра.

И это утро явилось солнечным и чистым, хотя Бог и отвернулся от России и русских. Теперь Он озарял небесным светом других. Голова гудела, ноги болели, ныли позавчерашние ушибы и ссадины. Но меня тянуло туда, к братской могиле Чёрного Дома. И я не мог бросить мать. А она собиралась в поликлинику, «на кардиограмму», вставала, шла на кухню, пила воду... и вновь садилась на диван, замирала — бледная, дрожащая, немощная.

— Какая ещё поликлиника! — отговаривал я её. — Ни в коем случае, я вызову на дом, всё сделают тут... и никуда не заберут, не бойся! Но она не верила, она больше всего не хотела, чтобы её увезли из дома, лучше умереть, но в родных стенах! Это меня добивало, я сам весь дрожал, задыхался, обливался холодным потом. Но вот она собралась с духом и силами, встала... и вдруг опрокинулась назад, на спинку дивана, захрипела, закатила глаза. И я бросился к ней.

Мне показалось, что это всё — еще минута, и её больше никогда не будет. В тот миг меня обдало огнём, накатило, ударило — да какое я имел право болтаться где-то?! Это же преступление против неё, против моей матери, давшей мне жизнь! Плевать мне на всё, плевать! Надо срочно!! Надо немедленно!!! Я заставил её проглотить шарик нитроглицерина, дал воды, прислонил к спинке дивана... и бросился к телефону.

Скорая приехала на удивление быстро. Но не врачи, фельдшерицы — сделали укол. Они всё поняли. Они сами вызвали врачей. И те не заставили себя ждать. Нет, зря я злился на «гангстеров в белых халатах», не все из них вызверились на своей работе, не все превратились в зомби, оставались и добрые люди. Именно такие и приехали.

Полноватый мужчина лет сорока пяти, с бородкой на русском добром лице сразу сказал: — Собирайтесь! Быстрее! Нужна операция! Какие там сборы. Я был готов. На мать накинул ха-

лат. Она ничего не видела, не слышала, будто в полусне пребывала — ни жива ни мертва. Уже по дороге врач разъяснил мне, что без стимулятора она может умереть в любую минуту, что надо немедленно вживлять аппарат.

— Как же так, — пробовал возразить я, — ведь она в своей поликлинике обследовалась, во второй, военной, хорошая поликлиника и специалисты там хорошие, да и участковый сказала: ничего, сама придёт кардиограмму делать, всё наладится...

— Вы этих хороших гоните на... — мягко и доброжелательно ответил мне доктор, не дослушав до конца, — и на порог не пускайте. И успокойтесь, теперь всё нормально будет, там, в 4-ой Градской все сделают лучшим образом, не она первая.

— Может, в Бурденко? — посоветовал я. — Она там лежала, щитовидку резали.

— Нет, — отрезал он. — Нельзя рисковать, в 4-ой всё отлажено, чётко. Только туда!

Его диагноз подтвердили сразу. Есть всё же хорошие люди и среди врачей, зря я костерил всех, зря. Из приёмной — в отделение, на четвёртый этаж, подготовка к операции. Я не мог уйти, не мог бросить... правда, на формальности ушло ещё около часа, но всё разрешилось, я не имел права медлить.

Моложавый хирург заверил:

— Мы в день две-три таких операции делаем, не волнуйтесь, через пятьдесят минут всё будет в норме. Вы можете подождать.

Конечно, я остался ждать. Я бродил под окнами, топтал жёлтую палую листву и сам сосал валидол. Сколько сразу свалилось на мою голову за эти короткие дни. Нервы не выдерживали. Но я не давал им воли. А как светило солнце, как золотило всё вокруг! Мне надоело бродить, и я уселся на лавочке у входа совсем в другое отделение. Туда почему-то всё время вели и тащили каких-то изуродованных людей в кровоточащих бинтах и повязках, я ничего не понимал.

Потом вышла женщина с подростком — у него были обвязаны голова и нога.

— Садись! — рывкнула она на сына. И ткнула в плечо — тот прямо рухнул на лавочку рядом со мной. — Отдышись! Парень и впрямь был загнанный, бледный, тяжело дышал. Я ничего не спросил. Но женщина сама пояснила:

— Три осколка вытащили из башки. И ногу вправили! — Она дала парню по шее, не сильно, но хлётко. — Вот дурак, полез в эту мясорубку, поглядеть захотелось! Я те вот дам ещё дома! — Сегодня, что ли? — переспросил я бес-

толково.

— По ушам дам сегодня! — улыбнулась она. — А зацепило его ещё вчера, боялся идти. Видали, сколько понатащили сюда? Я кивнул головой, я только сейчас понял, что все покалеченные и забинтованные — ОТТУДА! Чёрный Дом преследовал меня и здесь.

— Мне пора, — извинился я. И встал. Операция затягивалась. Она закончилась на час позже. И переволновался я изрядно. Но вот, наконец, прикатили кровать. Мать лежала и улыбалась. Она уже не была бледной, она ожила. Это было чудом. Я чуть не закричал от радости. Подошёл к доктору:

— Ну, как?

— Всё в порядке! Всё нормально. Да вы не волнуйтесь, поезжайте домой.

Нет уж, я должен был убедиться, что ей и на самом деле лучше, что опасность миновала. Больше двадцати минут мне не дали просидеть у кровати. Но я видел — она именно ожила, она вернулась с того света.

— Ну вот, а ты не хотела, а ты боялась, все упрашивала, чтоб без операций! — шептал я. А она говорила:

— Я почти ничего не помню: как привезли, как ехали, что было в приёмном покое... только в операционной просветление пришло.

Но почему так долго? Почему, ведь все говорят, что такие операции очень быстро делают, и доктор говорил? Я ещё не знал, что через три дня у неё случится инфаркт — со стимулятором, что она еле выживет, натерпится такого, что и не описать, не знал. Но я видел, что сейчас она не умерла, не погибла — и одно это уже было главным, самым важным.

— Иди! Тут нельзя долго!

Я поцеловал ее. Сказал, чтобы спала, отдыхала. И ушёл. Теперь я знал, почему светило так ярко солнце, золотило листву и весь мир. Нет, Бог не отказался он нас. Он был с нами, как и всегда. И было много смертей за эти дни, тысячи. Но одна жизнь сохранилась, жизнь моей мамы. Нет, Он не наказал нас, а лишь послал за черствость, бездушие, за всё мое нехорошее — испытание. И дал его вынести. И мне. И ей.

С нами Бог — так всегда я верил. Так было высечено на гербе России — том, подлинном гербе. И Он никогда не оставлял нас. А значит, все наладится, надо только перетерпеть, надо быть мужественным и твёрдым. Надо делать своё дело. И надо теперь, когда чёрная пустота отступила, ехать туда — к месту жесточайшей трагедии XX века, к огромной братской могиле,

к Чёрному Дому. Только туда!

И опять незримая сила тянула меня идти через Новый Арбат, будто заколдованная дорога, будто иной нет! И я шёл пешком, хотя троллейбусы ходили, легковушки шныряли... и опять шли и туда и сюда толпы — огромные, равнодушные, жующие толпы с пустыми нерусскими глазами — никакой тебе демократической истерии, никакой вакханалии. Абсолютное равнодушие. Никто даже вверх голов не задирает, не смотрел на обгоревшие, изрешеченные этажи небоскрёбов. Никому ничего не было нужно.

Вот так и погибают великие империи, так уходят в ничто великие цивилизации — когда огромному большинству проживающих в них, составляющих их становится ничего не нужно кроме жратвы, питья, баб и развлечений. И превращаются великие нации в жующие толпы, которым всё одно, кто правит ими — хоть немец, хоть штатник, хоть иудей. Достоевский предвидел это, он всё описал ещё сто с лишним лет назад, создав образ Смердякова.

И вот она — массовая, тотальная смердяковщина! Зомбированные жующие трупы! Да, мне казалось в те часы, что Москва превратилась в город ходячих мертвецов, что всё живое истреблено, выжжено, расстреляно. Но я ошибался. Я ожидал увидеть у стен Чёрного Дома примерно тех же дебилов, что видел вчера. Нет! «Молодым демократам», видно, надоело всё это «шоу», и их там не было — никого не убивают, не льются реки крови — скушно им, вот и ушли! А стояли совсем другие люди.

Стояли оттеснённые от Чёрного Дома загородками, кольцом усталых и грязных пулемётчиков, навоевавших вдоволь за вчерашний вечер и сегодняшнюю ночь. Стояли группками, кучками, говорили, обсуждали что-то. А Дом и впрямь был Чёрный, страшный, обгоревший. Он казался нереальным посреди живущего обычной жизнью города. Широкая оплавленная почерневшая свеча. А рядом обгоревшая, зияющая пустыми провалами окон «мэрия», обломки, битое стекло. И оцепления. Ещё вчера, хоть и под огнём, но можно было прорваться, пробежать к Дому Советов. А сегодня стояли несколько колец оцепления, бронетранспортёры, танки. Всё было конечно. И людей не пускали ТУДА!

Слишком много трупов, слишком много крови — многометровые штабеля, месиво кровавое... Ни одного корреспондента, ни одного «постороннего». Никто не знает теперь, сколько дней или недель «похоронные команды» вывозили тайком останки тысяч расстрелянных, сожжённых заживо. Ведь убивали не только во время штурма, но и потом — массовые расстрелы на

стадионе, в подвалах, в переулках и тупиках, на лестничных клетках.

Озверевшие каратели мстили за свою трусость, отводили душу. Но не о них речь, с ними время разберётся. А сейчас стояли кучки — человек по тридцать, по пятьдесят. Я ходил от одной к другой, прислушивался. И удивлялся — нет, не выбили ещё всех Русских, не передушили, не пережгли. Везде со страшной силой, не боясь ни охранников, ни шпиков, ругали колониальный режим, поливали отборным матом убийц-карателей, «гвардейцев», омонцовцев, спецназовцев, американских инструкторов, руководивших подавлением восстания, бейтаровцев, министров, президента — всех причастных к кровавому злодеянию.

Несли так, что волосы дыбом вставали — без оглядки, без сомнения, без страха. Нет, режиму не удалось запугать Народ. И навряд ли удастся. Правда, режиму было не до уличных ругателей — режим праздновал, отмечал пышными застольями свою «победу». Ликовали все, сидящие на народной шее, ликовало антирусское телевидение, исходило злобно-победным шипом и восторженными визгами, ликовало радио, ликовала пресса демократическая, нерусская, составляющая ядро пятой колонны... ликовала вся антируская, колониальная накипь. И притаился в глухом молчании Русский Народ, замер по городкам, сёлам, районам, выжидая — чего же будет. Но не молчали собравшиеся здесь, у Чёрного Дома.

— Эй, глядите, — выкрикнул вдруг один, — хасиды!

— Празднуют! — недовольно прохрипел другой.

Я обернулся — вдоль оцепления ехали три зелёных армейских грузовика с открытыми кузовами. В первом и впрямь сидели бородатые личности в чёрных костюмах и чёрных шляпах, махали какими-то ветками, хохотали торжествующе, глядели свысока, презрительно — их власть в России.

— Да не хасиды это, а бейтаровцы! — выкрикнул третий. — Вон они, победители!

В двух других грузовиках сидели молодчики в камуфляже. Но тоже с какими-то ритуальными ветками. Молодчики были пьяны и веселы — они плевали с грузовика вниз, ржали, приплясывали, хлопали в ладоши, пытались исполнять какие-то ритуальные танцы, но валились и снова ржали, махали ветвями. Будто по палестинскому гетто ехали израильские каратели-победители.

— Ну и наглая сволочь, — прошипел кто-то за моей спиной.

— Опять всё повторяется, — добавил другой, — как в семнадцатом!

— Какой там семнадцатый! — оборвал его ещё один, — в девяносто первом, в августе они уже праздновали в Кремле свою победу, веселились! Вот и теперь...

Да, победа была на их стороне. Чтобы не говорили эти русские люди, как бы ни восставала их душа против поработителей, но проклятое иго нависло над Россией. И надо было набирать терпения. Надо было покрепче сжать зубы. И

ждать. Ведь Бог был с нами. Пусть они веселятся и торжествуют — первый день их торжества это ещё и первый день начала их поражения. Бог всегда будет с нами. И недаром светило ярое осеннее солнце, золотя всё вокруг, не давая впасть в уныние, наитягчайший для православного грех, не давая отчаяться. С нами Бог! И рано или поздно справедливость восторжествует. Россия разорвёт оковы и встанет с колен. А у этих веселящихся «победителей» впереди лишь одно — преисподняя. Ибо хозяин их дьявол, а сами они слуги дьявола.

Итоги Кровавого Октября

Итак, Народно-освободительное Октябрьское восстание в Москве было подавлено — причём, самым жесточайшим образом, погибли тысячи людей, парламент разогнан, советы разогнаны, «белодомовская» верхушка посажена в Лефортово, часть защитников расстреляна на месте, часть разбежалась, часть так и пропала без вести в застенках и лагерях, никто не ведаёт о судьбе несчастных. Полное поражение? Провал! Трагедия?! Но так ли это на самом деле.

Вспомните, что было до Кровавого октября, все годы тирании демократии: национальные интересы — ничто! Интересы «мирового сообщества» — всё! Патриотизм — «последнее прибежище негодяев»! Держава шла на распыл, подстёгиваемая спецслужбами и ретивой «пятой колонной», безумная конверсия выдавала планы режима оставить страну без обороны, разгромить её под понукания из Белого Дома полностью.

Всё разрушалось, изничтожалось, опошлялось, всё национальное, русское подвергалось осмеянию, презрению, вытравлению из сознания людей — то есть проводилась чистой воды оккупационно-колониальная политика захватчиков-врагов, поработивших чужую (мало того, ненавистную им!) страну.

Что мы видим сейчас. Функционеры режима состязаются друг с другом в патриотизме и блюдении национальных интересов, восстанавливают храмы и исторические достопримечательности, по-тихому сворачивают преступную конверсию, поговаривают о национальной безопасности и интересах Державы. Ещё не всегда на деле, но уже очень часто на словах они выражают интересы тех, кого беспощадно убивали как «фашистов» и «шовинистов», они даже раз-

говаривать стали языком «фашистов», использовать их лозунги!

Дошло до того, что Ельцин посещает выставку Глазунова и позирует под картиной, на которой воспеваются подвиги героев баркашовцев. Конечно, мало кто из здравомыслящих русских людей верит, что демократы всё осознали и стали вдруг патриотами, нет, это их звериное чутьё подсказало им — или вы будете любить хотя бы для виду Россию или вам в ней не править и не жить! Маятник Истории, слишком долго зависавший в чудовищной левацкой позиции разрушителей-перестройщиков, медленно и необратимо пошёл вправо.

Он раздробит головы тех, кто пытается не только притормозить его движение, но просто встать на пути. И это уже победа! Ещё не полная, до полной Победы далеко! Но так устроен не постижимый нам Мир. Физическая, видимая победа тирании иноземщины — это победа сатанинская, победа мнимая, ибо свершена дьявольским образом в страхе, безверии, подлости. А подлинная победа — это Победа Духа тех, что погибли, что шли под Знамёнами Небесного Воинства. И Само Провидение Божие доказало всеми послеоктябрьскими событиями, что победителями стали сильные духом — Русские!

Против них было всё на этом свете: все спецслужбы, армии, полиции и милиции, власти, всё «мировое сообщество», казалось бы, их должны были просто стереть с лица земли и из памяти. Но победили они, ибо с ними был Бог. И потому воплощаются их заветы — не до конца, не в полном объёме, но уже началось. Победили павшие за Россию! Вечная слава Русским Героям!

Послесловие

13 ноября с.г. я вновь побывал у стен Дома Советов — на этот раз на панихиде по убиенным

героям Октября. По православному русскому обычаю отмечались сороковины — сорок дней

со дня кровавой бойни, со дня смерти несчастных. На панихиде присутствовало до пятидесяти тысяч россиян. Было очень много цветов, венков, тысяч горящих свечей. Но ещё больше было слёз, скорби. Тысячи людей стояли у испещрённых пулями стен стадиона — там расстреливали защитников Белого Дома.

Иконы, свечи, слёзы, тихие голоса. Никаких провокаций и выпадов, так желаемых и ожидаемых кем-то. Тысячи людей вели себя сдержанно и чинно, не давая повода вооружённому оцеплению наброситься, растерзать, расстрелять, повторить трагедию. Только слёзы, только свечи и цветы. И ещё надписи на бетонном заборе, ограживающем стадион смерти: «Армия, кровавая сука, погляди на дело рук своих», «Вечная память павшим героям», «Смерть за смерть, кровь за кровь», «Павшим за Родину слава!!!», «Кровавую банду... под суд!», «Их кровь зовёт и просит мщенья», на памятнике — «Мы отомстим!».

Речей о мщении никто не вёл, поминали убиенных. Ни слова про убийц! Сразу наплывают страшные мысли — ведь и на самом деле цепочка смертей может быть длинной и долгой. Возьмём один пример — те самые офицеры-добровольцы, что расстреливали из танков парламент, если разобраться по существу, получили из рук командования и властей не только по три тысячи долларов, московскую прописку и подполковничьи должности. Они получили кое-что более серьёзное — они получили страх на всю жизнь, и они, и их семьи.

В одной из газет я видел собственными глазами списки этих добровольцев — с полным указанием имён, фамилий, званий и т. д. Есть поимённые списки. Есть те, кто убивал. И есть те, кто выскользнул из ада, кто собственными глазами видел, как рядом умирают в жутких мучениях друзья-товарищи, братки... Вот и представьте теперь этого добровольца, которому всю жизнь суждено ожидать возмездия, пули, ножа... да чего угодно. Ведь не приставят же власти к каждому добровольцу полк охраны с танками! Не хочу дальше развивать своей мысли, вы и без меня знаете народную мудрость: «Кто сеет ветер, пожнёт бурю!» Никогда нельзя давать злу, насилию хода — они породят ещё большее зло и насилие.

И всё же десятки россиян пришли на панихиду. Пришли, не убоившись ни репрессий, ни преследований, ни возможного повтора кровавого октября. Вечером того же дня по ТВ нагнетали страсти, дескать, опять русские фашисты-шовинисты устроили сборище, куда власти глядят, пора хватать и сажать. Одним словом, демократы они всегда демократы, у них демократия — только для своих, для круга избранных. Но речь не о

них.

Кровавый октябрь принёс и иные плоды — власти вдруг, ни с того, казалось бы, ни с сего, взяли на вооружение многие заветы и лозунги тех, кого расстреляли, и стали не на шутку поговаривать о патриотизме, о России, о возвращении былой славы и могущества, даже вернули нам наш единственный законный герб — Двуглавого орла с коронами, скипетром и державой. В Конституции нет заложенной бомбы «самоопределения». Поговаривают о сворачивании предательской, разрушающей страну конверсии, о прекращении закупок зерна, о восстановлении кремлёвских святынь, о сбросе с башен дьявольских иудеосатанинских пятиконечных звёзд и установлении там орлов, о выносе из «мавзолея» чучелотрупа величайшего преступника...

Власти начинают делать то, о чем мечтали русские мальчуганы-«баркашовцы». Так за что же их всех расстреляли на лестнице и на стадионе, расстреляли уже взятых в плен, то есть не представляющих опасности?! Расстрелять, чтобы отобрать приоритет? Расстрелять, чтобы не было соперника «патриотичнее»?!

Тысячи загадок породил Кровавый Октябрь 1993 года. Но есть и одна отгадка. Много лет назад, в страшном октябре семнадцатого, когда по разработанной схеме западных спецслужб в России произошёл подлейший и гнуснейший октябрьский переворот, какая-то часть русских (очень маленькая, незначительная) совершила святотатство, чудовищнейший грех — поддержала палачей-интернационалистов, большевистскую антирусскую сволочь.

Патриарх Тихон предал анафеме всю эту гадину большевизма. Но ещё до его проклятий самим Господом за чудовищнейшее кощунство Россия была покрыта чёрным саваном. Предавшие Святую Русь повлекли гнев Божий на тех, кто не смог их остановить, удержать. Чёрное пятно легло на весь неповинный люд русский. И насколько бы парадоксально это не выглядело, именно кровь русских героев — защитников Дома Советов (не Руцкого, Хасбулатова, Ачалова и прочих демократов образца «август-91», а простых русских парней, веривших только в Россию и её будущее), кровь этих великомучеников нашего времени, убиенных такими же как и они русскими парнями, смыла чёрное проклятье с России.

Сейчас уже не висит над нами то страшное и гнетущее, что давило свыше семидесяти лет. Преступники несут личную ответственность. Но Россия, искупившая свой грех кровью своих сыновей, чиста перед Господом. И именно с этого времени она начнет подниматься. Как это будет,

я не берусь предсказывать — может быть, очень тяжело, страшно, во многих испытаниях. Но главное, что уже не в пропасть, а вверх будет держать путь Она. И никакому «мировому сообществу», притворяющемуся лучшим другом России, но на деле являющемуся её злейшим врагом, уже не одолеть Святой Руси!

После тех кровавых событий и «победы» функционеры колониального режима впали в эйфорию — дескать, теперь их власть на века, они с усердием выполнили волю «мирового сообщества» и тайного всемирного синклита, подавили национальное сопротивление в России, добились недовольных в колонии, значит, теперь и им можно до скончания века поживать на лаврах. Ан нет, получилось иначе. «Мировое сообщество» ожидало от нынешней администрации активного продолжения уничтожения как Русских, так и остатков неуничтоженной России. А те изленились, разнежались, начали о патриотизме и российском величии поговаривать, впад в гордыню и посчитав себя почти суверенными правителями.

И вот теперь мы видим, что пятая колонна начала ярый, активный натиск и на президента, и на премьер-министра, и на силовых министров. Миронова уже скинули — запросто, движением одной левой. Теперь подбираются к Грачёву, Черномырдину. Зачем? Может, и впрямь справедливости возжаждали наши борзописцы и телепропагандеры? Ещё недавно они, поощряемые спецслужбами «мирового сообщества», вынесли наверх всех нынешних... и вдруг их же и понесли, понесли повсюду, не щадя и не жалеючи. В чём дело?!

Русофобская пятая колонна ненавидит Россию и русских патологически, до скрежета зубовного, ей невыносимо жить среди «этого народа». И в её руках практически вся власть. Ещё недавно, когда президент и его силовики полностью подчинялись спецслужбам «сообщества» и пятой колонне, они были хороши и угодны. Но именно за последний год, особенно последние полгода президент и его ближайшее окружение поняли, что продолжая разрушение всего созданного русскими и истребляя самих русских, они рубят сук, на котором сидят, что продолжая политику тотального геноцида и полной колонизации расчленённых русских земель, они из президентов и министров превратятся в скором времени в племенных вождишек и шаманов на крохотных пятачках разорённых, нищих резерваций. Иного пути для них «мировым сообществом» не предназначено. И разыграло ретивое.

Решили вспомнить о национальных интересах, о России, о достоинстве российской Ар-

мии. Почему? А потому что упрочились малость, почуяли не одну лишь поддержку ЦРУ, НАТО, Пентагона и Моссада, а уже и свою собственную силу, получили какую-никакую опору в войсках, в управленческих звеньях, в милицейско-полицейских структурах... и решили, попросту выражаясь, тянуть одеяло на себя, гнуть свою политику. Какому хозяину понравится, когда подневольный сателлит начинает зубки показывать и из подчинения выходить.

Вот и очередной визит президента нынешнего в Орду, в Вашингтон, за подтверждением «ханского ярлыка» сыграл против него: вроде бы опять по всем позициям сдал Россию и русских, наподписывал кабальных «договоров», а всё ж и не утерпел, не сдержал гордыни — про «великую державу» обмолвился.

Пентагону и Бнай-Бриту непокорные неудобны, там субординация жёсткая. И потому по возврату президента и команды восвосяи, вся пятая колонна, поощряемая спецслужбами, подняла хай — уж слишком дружно, слишком уверенно, в один голос. Это говорит об одном — там, «за мировой кулисой» решили сменить главу российской администрации, решили окончательно и бесповоротно, не оставляя шанса Ельцину и его команде. И будут менять. Пятая колонна (вся «прогрессивная пресса», ТВ и РВ) обрушилась на нынешних властителей. Но обрушилась хитро, исподтишка, сметая неудобных по одиночке, сея меж ними рознь, и вражду, нагнетая истерию в народе.

Теперь не супостаты оппозиционеры навязывают народу образ «вечно пьяного» главы, а самые что ни на есть демократы (для них нынешний президент уже помеха, которую надо убрать). Это они за два дня вычеркнули из политики министра печати Миронова — запросто, шутя. Нет сомнений, что роковой обвал рубля был инспирирован спецслужбами и пятой колонной — даже прозревший Ельцин не смог умолчать: «Это диверсия!» — сказал он.

Да, это именно диверсия. И именно против него. Надо окончательно озлобить против него народ, такая цель у демократов — не будет зарываться, не будет вспоминать о «национальных интересах». Воспользовавшись замешательством, подсунили «козлов отпущения» — Герашенко и Добрынина. Что это? Их не жаль. Но этими смещениями посеяли страх и неуверенность среди прочих функционеров. Попёрли в открытую против Черномырдина, сея заведомо лживые слухи, проча ему замену (то бишь, стравливая функционеров). И уж совсем нагло, ошеломляюще нагло попёрли на Министерство Обороны и на Павла Грачёва.

Любому более или менее нормальному человеку абсолютно ясно, что история с убийством журналиста «Московского комсомольца» Холодова это изуверская провокация, рассчитанная на взрыв в обществе. Никогда и ни при каких обстоятельствах Министерство Обороны не стало бы связываться с этим мальчонкой, тем более подкладывать под него мины, вызывая тем самым огонь на себя. Так могут поступить только законченные идиоты, желающие своей гибели, так могут сделать только дебилы-самоубийцы. Я абсолютно уверен, что сама пятая колонна пожертвовала Холодовым (русских им не жалко, даже если эти русские на них же и работают).

Нужен был шумный, взрывной скандал. Нужен он был для очередной атаки на Армию, ибо Армия, деморализованная за последние пять лет, безвольная, запуганная, не представляющая для «мирового сообщества» никакой угрозы, напротив, покорно выполняющая инструкции оттуда, вдруг начала поднимать голову, вспоминать о том, что она — Русская армия, что сильна и могуча, что она может вершить многое (как ни странно, это все происходило именно при Паше «Мерседесе», как его теперь кличут демократы). И вот эту армию надо было снова сломать, разрушить, подавить, загнать в стойло — так решило «мировое сообщество».

Раньше для деморализации армии использовался таран пресловутой «дедовщины», тбилисские события, бакинские... Теперь этого мало, нужен был скандал. Коррупция! Журналист собирал документы, материалы, готовился выступать в Думе, разоблачать. Злой Паша Грачёв со своими нехорошими армейцами прознал про то и взорвал несчастного правдоискателя.

Бред! Сказочка для наивного и всему верящего люда нашего. Эта жуткая смерть нужна была пятой колонне, чтобы сокрушить Пашу, чтобы на его место поставить своего человечка, как пытались в своё время протолкнуть на пост министра обороны демократку-расчленительницу Старовойтову, проживающую в иноземном, враждебном нам государстве.

Уж слишком в открытую, беззащитно пошёл на Грачёва редактор «Комсомольца» Гу-

сев. Не дожидаясь расследования, с ходу. Что это он — полный идиот?! Нет, у него установка — валить именно Пашу, установка «мирового сообщества». И хотя я могу сказать, что мне лично Грачёв, как «усмиритель» восставшего народа глубоко отвратителен, судить его будет, если не трибунал будущего, то время, но при всём этом надо быть объективным, надо видеть, чем же пришёлся Паша «Мерседес» «мировой закулисе», кому он стал негоден.

Старый принцип любого криминалиста: ищи, кому выгодно! Ельцин со своими силовиками вышел из-под полного контроля. Его пытаются свалить те, кто его поставил. При всей неприязни к нынешней колониальной администрации, надо заметить: сейчас ельцинская команда вольно или невольно играет на Россию.

Пятая колонна, как и во все времена, играет против России и русских. У Ельцина и его команды вся административная власть. У пятой колонны вся власть пропагандистская — радио, телевидение, пресса, театры, кинематограф плюс полная финансовая и спецподдержка «мирового сообщества». Положение критическое. Раскол в оппозиции неслучаен.

Спецслужбы запада и пятая колонна вносят раздор в национально-освободительное движение, и часть его пытаются использовать как рычаг для свержения администрации нынешнего президента. Оппозиция пока поддается на любые провокации.

Руцкой поливает грязью всех подряд, чувствуя, что его поддерживает в борьбе против Ельцина «мировое сообщество». Возникает чертовски неприятная ситуация, когда прорусская оппозиция может сыграть по сценарию западных спецслужб против России. Будущее нашей державы и нашего народа непредсказуемы.

Спасение может быть в одном — в железной твёрдой централизованной власти и полной опоре исключительно на внутренние силы. На сегодняшнем этапе иной путь, разрушение сложившегося аппарата управления, приведёт или к этой спасительной власти или к абсолютной диктатуре пятой колонны.

Последнее — это уже окончательная смерть России.

Октябрь 1994 г.

«Советник» — путеводитель по хорошим книгам.